

**ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВETERАНА**

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
Серия 6. Пулеметчики,
минометчики, бронебойщики,
саперы

Челябинский областной совет ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Л.А. Попов

Бойцы вспоминают

**Серия 6. Пулеметчики, минометчики,
бронбойщики, саперы**

**НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

Челябинск 2012г

Данная серия книг подготовлена к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. при содействии Челябинского отделения ОАО «Сбербанк России»

Консультант:

Козлов Евгений Николаевич,
участник штурма Берлина,

почетный председатель городского комитета ветеранов войны, военной службы, боевых действий и правоохранительных органов.

Рецензенты:

Белозерцев Анатолий Константинович,
председатель Челябинской областной писательской организации, член Союза писателей России.

Терехов Алексей Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент.

Попов Л.А.

Бойцы вспоминают. Серия 6. Пулеметчики, минометчики, бронебойщики, саперы. / Л.А. Попов – Челябинск, 2012.-56с.

На обложке плакат художника Н. Жукова.
Текст дан в авторской редакции.

Подписано в печать 08.11.2012 г. Формат 30х42/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 3,5. Тираж 120 экз.
Заказ № 147

Отпечатано в типографии «Сити Принт» (ПБОЮЛ Мякотин И.В.)
454080, г. Челябинск, ул. Энгельса, 61А. тел.: (351) 230-34-34; факс: (351) 230-25-26
ИНН 744 700 373 602

Это нашей истории строки

«Основу организационной структуры инженерных войск составляли отдельные бригады (инженерно-саперные, инженерно-минные), а также инженерно-танковые и моторизованные, понтонно-мостовые полки РВГК, отдельные инженерные и саперные батальоны, созданные в 1943 г. качественно новых соединений – инженерно-штурмовых, инженерно-саперных бригад РВГК способствовало эффективному инженерному обеспечению».

(История ВМВ 1939-1945, т.12. С.249.)

«Пулемет, автоматическое оружие... изобретен в 80-х годах XIX века. Различают П. ручные, станковые, на треноге или колесах... по калибру П. делятся на П. малого (до 6,5 мм), нормального (от 6,5 до 9 мм) и крупного (от 9 до 14,5 мм) калибра».

(СЭС М., 1989.С.1092.)

«Из выполненных за время ВОВ пулеметов подавляющее большинство составляли ручные пулеметы Дегтярева».

(ВЭС М., 1986. С.599.)

«В 1-м полугодии 1942 г.в СССР выпущено 134100 ед.пулеметов «Максим», в т.ч.на заводе №54 г.Златоуста».

(С.Федосеев. Пулеметы 2-й мировой войны.)

«Противотанковое ружье (ПТР), оружие для поражения легких и средних танков, бронемашин и др.на расстоянии до 500 м. На вооружении Красной Армии состояли однозарядные ПТР В.А. Дегтярева (масса 17,3 мм) и самозарядные С.Г.Симонова (масса ок. 21 кг)».

(СЭС М., 1989. С.1083.)

«ПТРД конструкции В.А. Дегтярева... однозарядное калибра 14,5 мм... Бронепробиваемость до 35 мм.

ПТРС конструкции С.Г. Симонова... самозарядное калибра 14,5 мм... Емкость магазина 5 патронов...»

(ВЭС М., 1986. С.599.)

«Большую роль в общем «огневом балансе» сов. Артиллерии стало играть в ходе войны новое оружие – реактивные минометы, легендарные Катюши...»

(Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1967. С. 576.)

«Более 1800 артиллеристам присвоено звание героя советского союза, 1600 тыс. награждены Орденами и медалями, св. 500 арт. частям и соединениям присвоено звание гвардейских».

(СВЭ. Т.1. М., 1976. С.279.)

«Миномет арт.орудие с опорной плитой, предназначенное для навесной стрельбы минами... Угол возвышения ствола от 45 до 85 градусов. По способу заряжания различают М. дульнозарядные (Калибра 50-120 мм) и казнозарядные (калибр более 120 мм)...

Сов.120-мм М. обр. 1943, масса мины 15,9 кг... Наибольшая дальность стрельбы 5500 м, боевая скорострельность 6 выстрелов в минуту. Масса миномета 250 кг».

(ВЭС. М., 1986. С.447)

И СНОВА ГРЯНУЛ БОЙ

Бой длился более часа. Гитлеровцы, стиснутые в клещи советскими войсками, яростно бросались в атаку на горстку храбрецов, неожиданно преградивших им путь к отступлению. Устилая поле трупами, откатываясь назад, фашисты собирали силы и вновь шли в лобовую атаку. Но всюду их настигал пулеметный огонь.

Их было пятеро, советских солдат, в пулеметном расчете, вставшем на пути врага. Долгие годы войны научили их безошибочно выбирать позиции. И вот сейчас враг чувствовал это и, пытаясь избежать окружения, бросил в ход все свои силы.

Земля кипела вокруг храбрецов от града пуль и осколков. Один за другим выходили из строя товарищи. И вдруг фашистская мина накрыла окоп, все сразу оборвалось и провалилось в темноту. Немцы уже перестали стрелять, когда комсомолец Монаков, с трудом подняв голову, увидел их, бегущих метров в двадцати от окопа, увидел врага в лицо. В живых в расчете, кроме него, никого не осталось. Дважды раненный, он подполз к пулемету, и... бой возобновился, возобновился с новой силой. Монаков не выпустил из рук оружия до прибытия подкрепления, с честью выполнив свой воинский долг. А потом госпиталь... И снова новые бои, победоносный поход на запад. Грудь молодого пулеметчика украсили два ордена Отечественной войны.

После войны Петр Иванович Монаков работал на строительстве Челябинского металлургического завода. В составе комсомольско-молодежной бригады Н. Хажеева строил объекты непрерывно-заготовочного стана и рудной эстакады, зарекомендовал себя не только образцовым электросварщиком, но и хорошим наставником молодежи. Когда на 4-й участок «Коксохимстроя» приходили выпускники ГПТУ, общепризнанные авторитеты больших строек — начальник участка Э. Э. Лихтнер и прораб Ю. И. Выдрин

— прикрепляли их на некоторое время к П. И. Монакову для прохождения, как шутили на участке, курса молодого бойца.

Многие из прошедших эти курсы до сих пор работают на стройках города и часто вспоминают своего учителя Петра Ивановича Монакова, ветерана войны и труда

Ю. И. ОЗЕРСКИЙ

Одним из героев строительства 7-й коксовой батареи на Челябинском металлургическом заводе по праву считался начальник 3-го участка Юрий Иванович Озерский. Его прорабская конторка находилась в центре строительной площадки, а сам он находился в центре внимания. Молодые мастера и прорабы тянулись к нему, зная, что он всегда поможет советом, к просьбе отнесется серьезно и никогда не повысит голос. Ходил по стройплощадке Юрий Иванович, не торопясь, словно осторожно ступая по земле. Мало кому было известно, что такая медлительность его связана с тяжелым ранением, полученным на фронте в сентябре 1943 года. Отдельные эпизоды пережитого в войну он сохранил в своей памяти до мельчайших подробностей, о чем свидетельствуют его рассказы.

1. Освободители

После Курской битвы мы пять суток без передышки догоняли противника. Придем в деревню утром, а нам говорят: «Немцы вчера вечером ушли». Приходим в следующую деревню вечером и узнаем, что немцы отсюда ушли утром. Отдыхали урывками, спали на ходу в строю, шагая, прижмешься к локтю товарища и вздремнешь.

Деревни в Курской области были сожжены дотла, от домов оставались лишь русские печи с почерневшими от копоти трубами. Как-то наш взвод остановился у пепелища. Вдруг видим, из-под печки выползает старушка, грязная, оборванная, подходит к нам, протягивает пригоршню печеных картошек и говорит: «Возьмите, сынки, поешьте...»

Но были и другие встречи, это уже в Сумской области; заходим в село, а в нем все дома целехоньки, ни одного разрушенного, в каждом дворе полно скотины: коровы, свиньи, а у ворот бабы

стоят, руки на груди скрестили, сиськи выше головы и злоехидничают: «Освободители пришли...»

Мы с другом Сашкой расположились под забором для обеда. Достали солдатские пайки, консервы и прочее, посмотрели вверх, а там прямо над нами среди ветвей, над забором, висит большая спелая груша. Сашка взял палку и хотел ее достать. Вдруг из ворот выбегает баба: «Ах, вы, такие-сякие! Немцы придут — грабят, вы пришли — тоже грабите».

В 1945 году, уже после войны, я побывал в Сумах и мне там рассказали, что местные жители во время оккупации нашли общий язык с немцами и жили неплохо. В знак благодарности немцы позолотили купола сумского собора. И вот тогда я еще раз вспомнил грушу над забором и Сашку, которому не довелось дожить до победы.

2.Плацдарм

Всю ночь командир полка водил нас по району, прилегающему к Новгороду - Северскому, и только к утру, мы получили задание переправиться через Десну, захватить плацдарм и организовать его оборону. Форсировали реку без какой-либо подготовки, кто как мог, держась за бревна, доски, снятые с петель ворота. Я был с ручным пулеметом, поэтому переправлялся в лодке.

Противоположный берег оказался высоким и крутым, в отдельных местах изрезанный оврагами, по одному из них поднимались наверх. Поднялись, а там немецкие танки. С ходу рассредоточились, и начался бой. Овраги служили нам укрытием от пуль и осколков, а для танков являлись серьезным препятствием. В ходе боя мы забросали бутылками с зажигательной смесью и подожгли два танка, остальные пять отошли метров на 200, остановились и открыли прицельный огонь из пушек и пулеметов.

А внизу, под берегом, лихорадочно возводили переправу, но появившиеся немецкие самолеты разбили переправу в пух и прах. Одна из бомб разорвалась рядом с нашим окопом, и мой пулемет, стоявший на бруствере, улетел неизвестно куда.

На второй день все повторилось. Немцы не знали, что людей от нашего десанта осталось меньше половины, и по-прежнему, не рискуя попасть под зажигательные бутылки, оставались на месте. А заметив малейшее движение на нашей территории, открывали бешеный огонь из всех стволов.

На третий день комполка с того берега прислал нам приказ: «Броском на сто метров вперед!» Мы под сплошным огнем, голову невозможно поднять, а тут — «сто метров вперед!» Командир взвода приказал мне пробраться к реке, где сохранялась связь со штабом полка, доложить обстановку и попросить поддержку артиллерией.

Немец же в танке оказался опытным и хитрым. Он заметил то место, откуда я выскочил, взял его на прицел и ждал. Целился в голову, но я возвращался пригнувшись, ему пришлось взять чуть ниже, очередь пришлась мне по ногам, и я плюхнулся на дно окопа.

— Юрка, ты жив? — кричат мне из укрытий. — Сейчас санитар приползет. Держись!

Санитару не хватило одного-двух движений, чтоб оказаться в моем окопе. Длинная пулеметная очередь из танка и... с простреленной шеей санитар скатился головой вниз прямо на мои перебитые ноги, от чего боль стала еще невыносимей. А ноги санитаря остались торчать снаружи, над окопом, немец видит их и лупит, и лупит по ним. Через бровку из соседнего окопа мне перебросили веревку, чтобы с ее помощью стащить труп санитаря. Но тянули, тянули, так ничего не получилось. Только с наступлением темноты пришла, наконец, помощь. В это же время приполз с того берега старшина. Мы голодные, а он притащил вместо продуктов две канистры водки и приказ о награждении всех защитников плацдарма орденами и медалями. А нас из 120 человек в живых осталось 9. Поэтому старшина водку не по чарке разливал, а по полному котелку. Я находился в таком состоянии, что вкус водки не почувствовал, пил ее, как газированную воду. Лишь сознание того, что пьяным можно угодить в плен, а плен тогда считался страшнее смерти, побудило отложить котелок в сторону.

Ночью на плащ-палатке переправили меня на другой берег, а затем в тыл. Когда наш санитарный поезд подходил к Челябинску, где находился мой родной дом и откуда я уходил на фронт, я готовился к волнующим предстоящим встречам. Но мне сказали: «В челябинских госпиталях свободных мест нет». Приехали в Курган — и там нет. Так довезли меня до Иркутска, где и прошел курс лечения.

Уже, будучи в госпитале, я узнал, что старшина, объявивший нам о представлении к наградам, погиб на том же плацдарме. А

вскоре погиб командир полка. Так я и не нашел обещанную награду, а награда не нашла меня...»

До выхода на пенсию Юрий Иванович Озерский работал главным инженером управления капитального строительства ЧТЗ. Но с годами все чаще стали напоминать о себе фронтовые раны. И он ушел на отдых. Но до последних дней своих он не порывал связь с «Челябметаллургстроем, со своими старыми товарищами.

ЗА ТРУД И ЖИЗНЬ

На фронте солнце, дни и ночи точно такие же, как и в тылу. Но если неожиданно рядом с тобой чиркнет пуля, становится вдвойне радостнее от того, что ты еще живой, ведь попади пуля в цель, она прошла бы тебя насквозь.

Я встретил войну в деревне Конюховка в Омской области, работая в колхозе. О войне мы узнали по радио. Сразу же заголосили женщины, чьи сыновья находились в армии, предчувствуя большую беду. А потом пошли повестки. Мужчины ушли на фронт, в селе стало работать еще труднее, и я с нетерпением ждал, когда подойдет мой черед идти на фронт. В 1942 году меня призвали в армию, привезли в военный городок «Черемушки» под Омском, там нас насчитывалось 25 тысяч человек. Военное дело познавали ровно десять дней, изучали винтовку, пулемет, учились стрелять. Поднимали нас в 5 утра, отбой в 12 ночи. И я опять стремился: скорее бы на фронт. Но, когда, подъезжая к переднему краю, глубокой ночью налетели на наш эшелон 28 немецких самолетов, сбросили на парашютах мощные источники света и стали пикировать на вагоны и на разбегающихся во все стороны солдат, я подумал: «Эх, лучше бы подольше поучиться».

На фронте я был первым номером станкового пулемета «Максим». Это сильное оружие, обнаружив его, немцы старались уничтожить в первую очередь пулеметчиков. Для этого они четко отработали прием минометной атаки. Вначале производили пристрелку — недолет, потом перелет, получалась вилка: делали поправку прицела, и третья мина ложилась точно в цель. Мы знали об этом и всегда после первой мины сразу меняли позиции. Но в том бою, когда вокруг все гудело, деревья вылетали с корнем, и казалось, что земля перемешалась с небесами, не было времени сменить

позицию. И по всем правилам — сначала недолет, потом перелет — третья мина разорвалась рядом с нами. Не знаю, сколько прошло времени, но кто-то заметил торчащий кусок шинели из земли, потянули за него и вытянули меня на поверхность.

Бой уже закончился. Кругом валялись трупы и хозяйничали немцы, они отвели нас в санчасть, оказали медицинскую помощь, перевязали раны. А потом — плен. Меня привезли в Гамбург, где использовали на самых различных работах в лагере и за его пределами. Например, мы считали за благо попасть на работу к бауэру, это так немцы называли своих фермеров, там и работа полегче, и бауэр кормил получше

Однажды, уже в 1945 году, ворота лагеря открылись, и нам сказали: «Гитлер капут, идите куда хотите». В город вошли войска союзников. Вначале мы пристали к столовой американского госпиталя, потом появился какой-то наш лейтенант, и нас отправили на Родину.

Мирную послевоенную жизнь я начал в Пермской области, работая на различных предприятиях, там окончил школу строительных мастеров. При первом удобном случае переехал в Челябинск, где быстро освоился, и теперь считаю его своим родным городом», — завершил свой рассказ бывший бригадир «Промотделстроя» Алексей Степанович Савченко.

А как работал Алексей Степанович на строительстве Челябинского металлургического завода, возглавляя комплексную бригаду, говорит за него орден Ленина — высшая награда СССР, которой по достоинству отмечены его труд и жизнь.

С ФРОНТА НА ФРОНТ

В середине 50-х годов на площадке Челябинского металлургического завода начали разворачиваться Всесоюзные ударные комсомольские стройки. Со всех уголков Советского Союза потянулись в Челябинск юноши и девушки с комсомольскими путевками, Нужно было их всех встретить, обустроить, организовать досуг. Основная доля этой работы легла на плечи заместителя управляющего трестом «Челябметаллургстрой», бывшего фронтовика Анатолия Артемьевича Картеля. Он прекрасно справлялся с этой задачей. Под его руководством были оборудованы удобные обще-

жития для строителей. Столовые общепита «Челябметаллургстроя» считались лучшими в районе. Построены базы отдыха на озерах Калды и Теренкуль, а затем ночной профилакторий, где строители могли поправить свое здоровье без отрыва от производства. Позднее вступил в строй плавательный бассейн, ликвидированы бараки, планировалось достроить стадион. Существенную добавку к своему столу строители получали от своего подсобного хозяйства — совхоза «Солнечного», который по многим производственным показателям значительно превосходил другие хозяйства области.

Словом, дел у Анатолия Артемьевича было много. Он всегда находился в работе и поговорить с ним о войне не представлялось возможным. Но однажды, накануне Дня Победы, он пришел на работу в парадном костюме, украшенном боевыми наградами. Его спросили: «Какой эпизод из прошедшей войны для вас самый памятный?» И он рассказал:

1. Дуэль

23 февраля 1943 года, в день Красной Армии и Военно-Морского Флота, недалеко от железнодорожной станции Борки мы брали населенный пункт. Меня вызвал к себе командир, подвел к амбразуре, из которой хорошо просматривалось здание кирпичной школы с выгоревшими и покрывшимися копотью оконными проемами, и сказал: «Обрати внимание на четвертое окно третьего этажа, там немцы оборудовали пулеметное гнездо и держат улицу под обстрелом. Твоя задача, во что бы то ни стало подавить эту точку».

Я выкатил из-за хаты своего «Максима» и дал по окну короткую очередь. Немецкий пулемет на какой-то момент замолчал, а потом адресовал лично мне длинную очередь, несколько пуль зловеще лязгнули об щиток пулемета. Я ответил тем же. Своеобразная дуэль двух пулеметов продолжалась довольно долго. И вдруг мой «Максим» забарахлил, перекосило ленту. Ленты-то тогда были брезентовые. Я открыл крышку, чтобы устранить неисправность и, наверное, голову из-за щитка выставил и тут же за это расплатился. Шапку снесло далеко в сторону, и сразу горячо голове стало. Ну, думаю, конец... Меня за ноги оттащили за угол хаты, перевязали и отправили в госпиталь. А потом ничего. Обошлось.

2. Фейерверк

Самое эффективное зрелище на войне мне довелось наблюдать в ночном бою во время Курской битвы, когда словно молнии озаряли покрытое мглой поле боя вспышки разрывающихся снарядов. Грохот канонады и рев моторов заглушали крики людей и стоны умирающих. Град осколков периодически накрывал окопы. И вдруг внутри подбитого недалеко от наших позиций немецкого танка стал взрываться его собственный боезапас. И танк на мгновение превратился в фейерверк, от него в разные стороны разлетались в громящую ночь снопы красных, голубых и зеленых огней. Я смотрел на это чудо, как замороженный, на секунды забыв, что вокруг свирепствует смерть.

3. Оступление

А самые страшные минуты мне пришлось пережить там же, на Курской дуге, когда обнаружилось, что на флангах пулеметной роты, в составе которой мы держали оборону, уже нет пехоты. Она отступила, а до нас, по-видимому, приказ об отступлении не дошел. Мы снялись с позиции слишком поздно. И нас - бегущих обогнали немецкие танки, мы увидели их впереди себя немного в стороне. Местность была сильно пересеченная оврагами, укрываясь в них, мы побежали в сторону ручья. С ходу, кто успел, преодолели его, а за ручьем начиналось болото. Сил уже почти не оставалось, а когда болотная жижа заполнила сапоги и к ногам, словно привязали по двухпудовой гире, меня охватило отчаяние: «Неужели опять плен?..» Лихорадочно работая руками и ногами, оставив в болотной жиже свои сапоги, я выкарабкался на сухое место. Немцы за нами в болото не пошли. Добежав до густого кустарника, мы обнаружили, что в нем проделаны ходы, как «норы», накануне по этим ходам солдаты ползком добирались к ручью за водой. По этим «норам» мы выбрались в безопасное место и присоединились к своим. Так я избежал повторного плена.

Это отступление для меня оказалось последним. Далее путь пролегал на запад, только вперед. В боях был трижды ранен. Полгода пролежал в госпитале, а потом снова — на передовую. В январе 1945 года за успешные боевые действия в Белоруссии меня в числе двадцати бойцов, отличившихся в боях, вызвали в штаб 184-й стрелковой дивизии и объявили о досрочном приеме в партию,

сократив кандидатский стаж каждому из нас до трех месяцев. Партбилеты вручал лично начальник политотдела в присутствии командира дивизии Городовикова. После поздравлений, крепких рукопожатий и напутственных речей нам налили по рюмке водки, и мы возвратились в свои подразделения. В последующие бои мы уже шли коммунистами.

4. Побег

В плен же я попадал в августе 1942 года недалеко от села Писаревка. Дважды пытался бежать, но оба раза меня ловили и к осени перегнали в село Покровка Белгородской области. Вид мы — пленные имели бледный: грязные, голодные, оборванные, некоторые оказались босиком. По этому поводу венгерский полковник — маленький рыжий тип острил: «Ничего, лошади-то тоже без сапог, а работают». Некоторое время нас содержали в церкви под охраной венгерских солдат, а потом перевели в землянки-бараки, за колючую проволоку, и ужесточили режим. После каждого побега из лагеря всех пленных выстраивали, отсчитывали каждого десятого, ставили к стенке и расстреливали.

Однажды, 18 ноября 1942 года, нас — шестерых пленных вывели под конвоем четырех мадьяр за село для подсыпки песком уходящей в гору дороги. Работая, мы сговорились разоружить охрану и бежать. Распределили между собой конвоиров, кто покрепче, брал на себя одного, нам же с Мишкой Волковым, свердловчанином, достался один на двоих. Условились, что старший нашей шестерки, лет сорока двух, хорошо подготовленный командир, попросит прикурить у конвоира. А огонек, который вспыхнет при прикуривании им папиросы, должен послужить нам сигналом для нападения.

Погода стояла отвратительная: снег, слякоть, дул пронзительный ветер. Охрана ежилась от холода. А мы работали и незаметно рассредоточивались каждый против своего «объекта». Наконец, старший, отложив лопату, направился к одному из конвоиров прикуривать. У меня от волнения перехватило дыхание. Мадьяр проявил любезность, достал зажигалку, чиркнул, огонек загорелся и тут же погас. Среди нас замешательство... Но охрана ничего не заметила. Мадьяр чиркнул второй раз, и мы набросились на конвоиров. Я успел схватиться за винтовку прежде, чем конвоир успел ее вскинуть. Мишка, подскочив сзади, пытался заломить ему руки за спину. Вдвоем мы сумели выкрутить из его рук винтовку и,

опустив приклад ему на голову, побежали. Мельком я заметил, что один мадьяр помчался в сторону лагеря, двое других, вроде бы, бежали за нами. Но уже темнело, догнать они нас не могли. Вторая пара тоже овладела винтовкой. От третьей винтовки удалось отобрать лишь затвор.

Утром мы вышли к какому-то селению. Пытались через селян связаться с партизанами. Чувствовалось, что они знают, где их искать, но эту тайну нам не доверили. Долго мы бродили по тылам немцев, а когда вышли к своим, то сразу же попали в руки СМЕРШа. Только после тщательной проверки направили нас в части. Я попал в пулеметную роту 184-й стрелковой дивизии и продолжил путь по дорогам войны.

Мое участие в войне с Германией завершилось в Восточной Пруссии, где противник заблаговременно создал мощную систему укреплений, перед штурмом которой наша артиллерия молотила часа четыре, а потом самолеты измочалили все. Живого места не оставалось. В те дни хорошо просматривалось бесспорное превосходство Красной Армии над врагом.

После ожесточенных боев и взятия Кенигсберга поступила команда нашей дивизии срочно грузиться в эшелоны. И повезли нас, но почему-то не на запад, а на восток, в противоположную от линии фронта сторону. Вначале мы думали, что везут к туркам, но когда проехали Урал, стали догадываться, что нехорошие дела с японцами намечаются.

Радио в эшелоне не было. Связь между вагонами осуществлялась только на остановках. На пути нам встречались большие и малые города. Люди махали вслед руками и что-то кричали. А 9 мая люди приветствовали нас особенно сердечно, наверное, думали: «Сибиряки уже с фронта домой возвращаются».

При подъезде к Новосибирску на остановке к нам подошел командир взвода и объявил: «Война, товарищи, кончилась, подписан акт о капитуляции Германии». Трудно передать словами, какие чувства охватили всех от такого сообщения, появилась масса вопросов, но раздалась команда: «По вагона-а-м!» — и командир взвода убежал на свое место.

Поезд быстро набирал скорость.

В нашем вагоне некоторое время царил полная тишина, потом кто-то затыкнул: «Ревела буря, гром гремел...» — все подхватили. А

за окнами все стремительнее неслась навстречу бескрайняя сибирская степь. И никто не знал тогда, что ждет нас впереди.

5. На Дальнем востоке

Когда стемнело, я долго не мог уснуть. В памяти невольно возникали картины недавних боев. Под стук колес вспоминался родной дом, 10-й класс, выпускной бал и все мы — мальчишки нашего класса, пришедшие в военкомат записываться добровольцами на фронт. А нам там ответили: «Да подождите, не до вас сейчас!». А потом проводы, напутствие отца: «Помни, сынок, о чести и долге, не подведи нашу фамилию». Меня направили в Челябинское военное авиационное училище стрелков-бомбардиров. Учиться было интересно, но немец продвигался к Волге и из курсантов училища срочно сформировали батальон, в который попал я, и бросили его на передовую. Так я оказался на фронте.

А заканчивать войну пришлось на Дальнем Востоке. Мы туда приехали в июне и тщательно готовились к новой кампании. К границе выдвигались скрытно, шли под маскировочными сетками, как по тоннелю. 9 августа ночью в районе Гродеково без единого выстрела перешли границу и дошли до города Муданьцзяна. В больших боях не участвовали, но потери имели. Были случаи, когда ночью на привалах японцы вырезали спящих целыми подразделениями штыками или ножами, привязанными к палкам. Физические нагрузки испытывали такие, что порой казалось, что не выдержим. Японцы обычно занимали оборону на господствующих высотах, а сопки в тех краях с крутыми, почти отвесными склонами, поднимешься на вершину, а там болото. Находясь в постоянном наступлении, часто не досыпали, не доедали, чтобы не заболеть цингой, пили отвар хвои.

Настоящие же бои развернулись на нашем участке фронта только после подписания капитуляции японцами, когда отдельные группировки самураев, которым уже нечего было терять, ожесточенно дрались до последнего патрона, а затем совершали ритуальное самоубийство путем вспарывания себе живота, то есть делали харакири, будучи уверенными в том, что на том свете им будет хорошо. Я такие случаи наблюдал дважды.

Местное население — китайцы встречали нас дружелюбно. Бросались в глаза их трудолюбие и страшная нищета. Войдешь в фанзу, а там одна циновка (ковер, сплетенный из соломы). Нередко

в китайских селениях, среди фанз, встречались русские бревенчатые дома, крытые железом, а возле них — белоголовые ребятишки, отцы и деды которых пришли сюда из России в конце гражданской войны, в 20-х годах.

В Муданьцзяне нам поручили охранять частный винный завод. Каждый раз после смены караула мы черпали чайником из дубовых чанов ханжу (рисовую, водку с неприятным запахом) и шли в столовую, где нас любезно встречал хозяин завода. Он абсолютно не знал русского языка, но, так же как и мы, не зная немецкого, понимали значение слов «хэндэ хох» и «Гитлер капут», так и он заучил по-русски и всегда повторял при встрече: «Сталин и Чан Кай-ши — одна компания. Выпьем за них!».

Возвратились мы из Китая в Советское Приморье пешком, походным маршем шли тридцать суток, проходя по тридцать километров в день. С чувством выполненного долга вступали в расположение своей части в городе Спасск-Дальнем, где разница во времени с Москвой составляла 8 часов. Во время обеда по радио из Москвы слушали утреннюю зарядку. Вечером перед отбоем выходили из казармы и молча провожали багровый диск солнца, опускающегося за горизонт на западе, туда далеко, где находился наш дом и куда мы непременно должны были вернуться. И мы вернулись.

ВОСПИТАННИК ОСОАВИАХИМА

До войны в Сталинграде, как и во всех городах СССР в ОСОАВИАХИМЕ работали совершенно бесплатно разные кружки, в том числе военно-прикладного направления. Каждому осоавиахимовцу выдавался членский билет с красивой символикой и словами И.В.Сталина: «Смелость и отвага это одна сторона героизма, другая сторона, не менее важная, это умение», и словами К.Е. Ворошилова: «Ни одного завода, ни одной фабрики без планерного кружка. Ни одной школы, ни одного пионерского отряда без кружка авиа-моделистов»

Школьник с улицы Каспийской Михаил Плехов с увлечением занимался в осоавиахимовских кружках. В результате чего имел удостоверение снайпера, тракториста, права шофера, с гордостью носил значки ГТО и «Ворошиловский стрелок». Мог с закрытыми глазами разобрать и собрать винтовку Мосина и пулемет «Мак-

сим», хорошо знал устройство ручных и противотанковых гранат и мин. Дома у него была целая библиотечка маленьких брошюр под названием «Наставление по стрелковому делу», купленных в книжном магазине. Его большой мечтой было поступить в аэроклуб и быть летчиком, но подвело зрение.

Летом 1942 года он во дворе дома в тени деревьев с другом готовился к сдаче экзаменов за 10-й класс. «Немецкие самолеты в тот период - вспоминал много лет спустя после войны Михаил Иванович, - летали редко, но бомбы иногда бросали на город. И в тот день мы услышали рокот самолетов и увидели немецкие бомбардировщики, летящие прямо на нас. С перепугу мы спрятались под столик, на котором мужики в мирное время играли в домино. Бомба взорвалась в стороне от нас, через 2-3 дома. Мы услышали оглушительный взрыв и треск, а потом все стихло. Самолеты улетели. Храбро вылезли мы из-под стола, и пошли посмотреть результаты бомбежки. Увидели большую воронку, перекосившийся домик, сорванную с него крышу, выбитые взрывной волной окна и двери. Подумалось тогда, что наклеивать на оконные стекла бумажные полосы крест на крест, которые заставляли нас и в школе и дома, это напрасный труд, если от бомбы дом разлетается в щепки».

М.И. Плехов родился 24 ноября 1924 года, поэтому успел поступить учиться в Сталинградский механический институт. Но стать студентом ему не было суждено. Немецкие войска быстро продвигались к городу. М.И. Плехова вызвали в военкомат и направили учиться в Саратовское Минометно-артиллерийское училище.

«23 августа, - продолжал рассказ М.И. Плехов, - мы будущие минометчики направились на пристань, где нас ожидал пароход из Астрахани. Но в 12 часов со стороны Волги неожиданно налетела армада немецких самолетов, которые стали бомбить город на уничтожение. Вдоль Волги были выкопаны щели (траншеи), мы укрылись в них. А когда самолеты улетели, мы увидели Сталинград весь в огне. Горели нефтехранилища. Нефть стекала с берега в Волгу и тоже горела. Военных нигде не было видно. Повсюду валялись убитые и раненые штатские люди. Кто мог, оказывал им посильную помощь. А наш пароход, как-то не естественно наклонившись на левый борт, отошел от пристани и его понесло вниз по течению. Мы возвратились обратно в военкомат. Военкомат еще работал. И нас направили в саперную бригаду особого назначения. Так началась для меня война. Вначале нам выдали винтовки Мосина с при-

целом, на котором расстояния указывались в верстах. Позднее мы вооружились карабинами и автоматами. С питанием было туго. Пока земля не замерзла, мы в огородах выкапывали картофель и морковь. С мясом проблем не испытывали, так как было много битых лошадей. Кроме того нам выдавали стандартный паек, овсяную или пшеничную крупу. Жили саперы в землянках, в скирдах, в подвалах, часто меняли свою дислокацию.

Противник был остановлен на северо-Западной окраине города. Но немцы продолжали наращивать свои силы. В августе ввели в сражение 8-ю итальянскую, а в конце сентября 3-ю Румынскую армии. Основные же силы 6-й немецкой армии были сосредоточены для борьбы в городе.

12 сентября противник вплотную с Запада и Юго-Запада подогнал к городу танки. Оборона Сталинграда была возложена на 62-ю армию В.И. Чуйкова и 64-ю армию М.С. Шумилова. В городе развернулись ожесточенные уличные бои. Мы наблюдали, как в воздушных боях погибали наши летчики. Выбросившихся из горящего самолета и раскрывших парашют, их совершенно беззащитных атаковали и расстреливали немецкие самолеты. Мы же на земле своим авиаторам ничем помочь не могли. Через несколько дней боев вся наша авиация была уничтожена. Ворвавшись в город, немцы с местными жителями не церемонились, они выгоняли их в степь в западном направлении. Погибло много сталинградцев. В городе же начались бои за каждую улицу, за каждый дом. Основной задачей саперов была установка минных полей, минирование проходов, проездов. В полевой электромастерской мы сами изготавливали мины. Конструктором их был майор Акишен. Война это тяжелая работа, и как в любой работе в ней выявлялись свои рационализаторы. Одно из рационализаторских предложений поступило к нам в виде свернутой в рулон металлической сетки шириной в 4 метра, сплетенной из балалаечных струн. Мы разворачивали эти сетки в местах возможного появления противников, закрепляли сетки на высоте 20-30 сантиметров от земли и пропускали через нее электрический ток в 1200 вольт, вырабатываемый передвижным автогенератором, создавая, таким образом, электропрепятствия для врага. Но немцы вскоре разгадали наше новшество, ночью перетащили сетку и установили ее на другом месте. Мы разыскали ее и установили вновь куда следует. Такая дуэль с противником продолжалась несколько дней.

С наступлением холодов немцы предприняли отчаянную попытку овладеть Сталинградом. На южном фланге они прорвались к Волге и отрезали части 64-й армии от 62-й армии. В центре на Мамаевом кургане держал оборону В.И. Чуйков. 15 сентября противник захватил Мамаев курган и вокзал. Но 13-я гвардейская стрелковая дивизия А.И. Родимцева, понесшая большие потери при форсировании Волги, вновь овладела курганом. 27 сентября гитлеровцы еще раз пошли в наступление. Им удалось захватить западную половину Мамаева кургана, но здесь они были остановлены уже окончательно. 15 октября немцам удалось на узком участке прорваться к Волге в районе тракторного завода, а 11 ноября пробиться к великой русской реке южнее завода «Баррикады». Мы защищались в районе мельницы, метров 500 от Волги, держали фронт около двух километров вдоль реки. Второй участок обороны, примерно такой же, держали защитники Сталинграда между заводами «Красный Октябрь» и «Баррикады» и третий участок в районе поселка Рынок. На тракторном заводе шла борьба за каждый цех, за каждый пролет в цехе.

Только 18 ноября завершился период обороны Сталинграда. В ожесточенных сражениях между Волгой и Доном за июль-декабрь противник потерял около 700 тысяч убитыми и ранеными. Контрнаступление советских войск началось рано утром 19 ноября. По земле стелился густой туман, хотя туманы в этих краях бывали редко. Самолеты в этот день не летали. После мощной артиллерийской подготовки пошла вперед пехота и мы, саперы, проделывавшие пути прохода в минных полях и устанавливавшие мины на путях возможного движения немцев и так дошли до Котельниковского. Свою силу мы прочувствовали раньше, еще накануне контрнаступления, когда увидели, что наша авиация прочно заняла господствующее положение в воздухе.

23 ноября советские войска соединились в районе Калача и окружили 330-тысячную группировку врага. В самом Сталинграде еще продолжались бои. 26 января советские войска 21-й армии соединились на северо-западном склоне Мамаева кургана с наступавшей ей навстречу 62-й армией и рассекли вражескую группировку на две части. 31 января эта группировка прекратила свое существование.

Для деблокирования окруженной 6-й армии Паулюса гитлеровское командование перебросило из Франции и других фронтов

несколько дивизий в район Котельниковского. Здесь сформировалась новая группа армий противника во главе с Манштейном. Группировке было присвоено наименование «Дон», она насчитывала 124 тысячи человек, 650 танков, в том числе батальон впервые применяемых на фронте новых тяжелых танков «Тигр», 852 орудия и 500 самолетов, то есть гитлеровцы стянули к Сталинграду все свои резервы. Советское командование было вынуждено отложить операцию «Кольцо» по ликвидации окруженной 6-й армии, и провести Котельниковскую операцию в которой отличилась 2-я гвардейская армия Р.Я. Малиновского и 7-й танковый корпус Ротмисторова. Попытка противника деблокировать окруженную группировку из района Котельниково потерпела полный крах.

После разгрома Котельниковской группировки врага, М.И. Плехов с саперными подразделениями был переброшен в район Ростова-на-Дону. Затем участвовал в освобождении Крыма, преодолевал Сиваш, освобождал Севастополь, наблюдал, находясь в селе Качи, как топили советские авиаторы отходящие из Херсона немецкие корабли. Освобождал Польшу. О завершении войны он вспоминал так: «Перешли мы Польско-Германскую границу. По разбитому мосту через реку перебрались на противоположный берег. Впереди небольшой немецкий городок Рагибор. Видим из всех окон городка висят белые полотнища. Мы догадались, что это победа. На улицах стояла полная тишина. Зашли в один-два дома – никого нет, все попрятались. И мы повернули назад. В конце улицы встретили четырех солдат, оказалось, что это разведчики из соседней части.

Обратно из Европы мы возвращались через город Львов. Подошли к городу Стрынь, увидели здесь большое скопление войск. Через мост переправиться не удалось. И мы заночевали там. А утром, на заре скопившиеся здесь войска бандеровцы неожиданно расстреляли из пулеметов. В ответ, стоявшая поблизости батарея зенитчиков, прямой наводкой ударила по врагу, все сравняла с землей и от бандеровцев ничего не осталось. В селе Колындяны мы имели встречу с учительницей из Киева. Она написала на доске во время урока предложение: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Местные бандеровцы предупредили ее, что так писать нельзя. Но она не послушала их совета и за это бандеровцы повесили ее возле дома, где она снимала квартиру. После

этого случая мы поняли, что война-то с Германией хоть и закончилась, но до мира, настоящего мира еще очень далеко. И надо помнить заветы наших мудрых стариков, которые утверждали: «Если хочешь мира, готовься к войне».

После войны Михаил Иванович окончил Военно-транспортную академию в Ленинграде. Продолжал службу в армии. Дослужился до полковника. И уже в запасе вернулся в ОСОАВИАХИМ, который стал называться к этому времени ДОСААФ и долго работал в нем преподавателем, готовил юношей к труду и обороне своей Родины.

ТРИ ДНЯ ИЗ ЖИЗНИ Г. Г. КУЦЕНКОВА

До войны Куценков Георгий Георгиевич окончил пять классов, работал арматурщиком на строительстве ЧТЗ и все свое свободное время отдавал музыке, занимаясь в заводском духовом оркестре. В 1942 году, когда ему исполнилось 18 лет, его призвали в Красную армию. А через год, после окончания Тюменской школы младших командиров, он отбыл на фронт. «Вначале мы ехали поездом, – вспоминал Г. Г. Куценков, – а потом, где-то южнее Харькова, поезд остановился посреди степи, нас встретил лейтенант и мы, человек 50, походным маршем зашагали к линии фронта. Шли только ночью, днем укрывались от возможных налетов вражеской авиации и, замаскировавшись, отдыхали. Через двое суток на рассвете слышался шум авиамотора, и появилась «рама» (немецкий самолет-разведчик). Лейтенант подал команду: «Воздух!» Все попрятались среди густой травы и кустарника. Я со своим ПТР (противотанковым ружьем) и вторым номером Лешкой Бабичем оказался рядом с лейтенантом.

– Этот самолет нам здесь покоя не дает, его пилот высматривает цели, передает их координаты на батарею, и немцы открывают бешеный огонь, а нам укрыться от него негде, – пояснил лейтенант.

– Так давайте этот самолет из ПТР «шлепнем», – предложил я.

Лейтенант отвечал за нашу доставку в часть и зря рисковать, не хотел. Но подумав, сказал: «Отойдите подальше, вон к тому сараю, и оттуда бейте по самолету». Мы добрались до сарая, установили свое ружье. Самолет, сделав еще один круг, с треском летел в нашу

сторону. Мне казалось, что летчик заметил нас и вот-вот даст по нам очередь. Я приложил приклад к плечу. Стрелять умел. У меня еще до войны был значок «Ворошиловский стрелок». Но сейчас сердце мое так сильно колотилось, что я с трудом сумел взять самолет на мушку и словно слился со своим ружьем. В тот миг ничто не существовало для меня, кроме летящего самолета. Поборов страх и волнение, сделал глубокий вздох, затаил дыхание и медленно, как в тире, нажал на спусковой крючок. Почувствовал сильный толчок – отдачу приклада. Машинально открыл затвор, чтобы вставить второй патрон, но Лешка хлопает меня по плечу и говорит: «Хватит!» Гляжу, самолет в воздухе закачался, стал терять высоту, вошел в пике и понесся к земле. На фоне голубого неба белым подснежником раскрылся купол парашюта. Этот летчик выбросился из самолета. Мы возвратились на свое место. Лейтенант похвалил нас, сказал: «Молодцы! За сбитый самолет вам обоим полагается по ордену Красной Звезды». Мы ликовали. Еще бы, первый бой и сразу орден! Позднее мне еще дважды командиры обещали ордена, но всегда об этом почему-то забывали. Наверное, из-за того, что нас часто перебрасывали с места на место.

После первого ранения и лечения в госпитале я стремился непременно возвратиться в свою часть. Меня же определили в артиллерию наводчиком 76-миллиметрового орудия. Пришлось осваивать новую специальность, а вскоре я еще раз отличился. Это произошло во время марша к Будапешту. Мы тогда двигались в общей колонне. Неожиданно прозвучала команда: «К бою!» В считанные секунды развернули пушку, установили лафеты, заряжающий Бойко подал снаряд. Я поймал в прицел один из трех выкатившихся на нас из-за рожи танков, стрелять ему в лоб было бесполезно, так как лобовая броня у танка сильная, поэтому выжидал удобный момент. Наконец на пути танка встретилось какое-то препятствие. Объезжая его, он на мгновение показал нам свой борт, и я нажал на рычаг. Танк заскрежетал, развернулся на месте и с перебитой гусеницей остановился. По нему тут же открыли огонь соседние пушки. Танкисты, выбравшись наружу, пытались бежать, но были все уничтожены. Наша колонна вновь построилась на дороге, и марш продолжился. Ярко светило солнце. Впереди замаячил какой-то венгерский поселок. Мы вошли в него. В ограде одного из хозяйств установили свое орудие, получили координаты и повели огонь с закрытой позиции. Немцы не заставили себя долго ждать.

Их снаряд разорвался впереди нашей пушки. Щиток защитил моих товарищей по расчету, а я в это время поднял голову и, получив удар в лицо, потерял сознание. Потом мне рассказали, что бой продолжался, а я лежал на спине и захлебывался собственной кровью. Какие-то две девушки-мадьярки подбежали и перевернули меня набок, а прибывшие санитары отправили в полевой госпиталь небольшого венгерского городка Дюла, где я впервые за два года войны увидел постельное белье и кровати. Мы ведь на фронте спали, не раздеваясь в землянках на соломе или в кузове автомашины, иногда приходилось спать стоя. Но самый крепкий сон всегда был после очередной прожарки нашей одежды, которая периодически проводилась между боями с целью санобработки.

Получилось так, что наша часть расположилась вблизи госпиталя, а мои командиры часто посещали госпитальную баню, поэтому после выздоровления они забрали меня с собой. И вместе со своей батареей я участвовал еще в одном походе, на этот раз на Прагу, для оказания помощи восставшим пражанам. На окраине Праги мы остановились на короткий привал. Ждали приказа для входа в город. Появилась полевая кухня. Начался обед. К нашему расчету подъехал танк «Т-34» с номером 23 на башне. Танкист, крепкий парень в темном комбинезоне, спрыгнул на землю со словами:

– Славяне, почему стоим?

– Привет, браток, а вы откуда? – поинтересовался я.

– Из Челябинска, Иваном меня зовут, а ты откуда?

– Я тоже из Челябинска, – с радостью вырвались у меня слова.

Отставив свой котелок с кашей, я подошел к Ивану, и мы братски обнялись с ним.

Иван спешил. Взяв на танк провожатого из числа повстанцев, он повел свою машину громить немецкий штаб. Только спустя много времени, после войны, в Челябинске я узнал, что танкистом этим был Иван Гончаренко. Он первым ворвался в Прагу и погиб геройски, а танк его с номером 23 благодарные пражане установили на постамент в центре города. Теперь, когда речь заходит об окончании войны, всегда перед моими глазами встает Иван Гончаренко и его танк, уходящий от нас по узким извилистым улочкам Праги в бессмертие.

После Пражской операции наша часть возвратилась в Венгрию, в район озера Балатон. Здесь командир полка, узнав, что я умею

играть на трубе, приписал меня к полковому духовому оркестру, где и закончилась моя военная служба».

В конце 1945 года Г. Г. Куценкова, как имевшего три ранения, демобилизовали в первую очередь. Он вернулся в Челябинск, в поселок Песочное, инвалидом 2-й группы. Выучился на шофера и 30 лет возил раствор на стройки Челябинска, начиная от строительства дома-магазина «Башня» в Тракторозаводском районе и кончая строительством высотных домов на Северо-Западе. А по вечерам играл в оркестре старого цирка и руководил в клубе треста № 42 духовым оркестром, в котором начинал подростком оркестровую деятельность ныне известный народный артист Анатолий Кролл, с благодарностью вспоминая своего первого наставника Г. Г. Куценкова, воина, гражданина, труженика и патриота.

ПО-ПРЕЖНЕМУ В СТРОЮ

После Курской битвы, отступая, немецкие войска закрепились на берегах Днепра, создав «голубой рубеж обороны» – главную составную часть «Восточного вала», который по мнению немецко-фашистского командования должен был стать непреодолимым барьером для Красной армии.

«Мне довелось участвовать в штурме этого рубежа южнее Чернобыля, там, где Днепр сливается с Припятью, – рассказывал Александр Филиппович Гонцов, поясняя: – Течение воды в том месте замедляется, но река разливается наиболее широко, а противоположный берег сильно заболоченный, поэтому немцы, по видимому, и не предполагали, что русские именно здесь начнут наступление. К форсированию Днепра мы готовились тщательно и скрытно. Плавсредств не хватало, в основном это были надувные лодки, захваченные партизанами у немцев и переданные нам, поэтому форсирование планировалось осуществлять несколькими эшелонами. Ночью 23 августа 1943 года первыми ушли к противоположному берегу бойцы батальона, укомплектованного только коммунистами. Они протянули от берега до берега трос, а чтобы он не ушел под воду, подложили под него деревянные поплавки, захватили на занятом противником берегу плацдарм и окопались. Немцы, пытаясь сбросить их обратно в реку, атаковали плацдарм с применением большого количества танков. Но все танки завязли в болоте.

Секретарь комсомольской организации полка, младший лейтенант, забыл его фамилию, добился, чтобы наш комсомольский батальон начал форсирование следом за коммунистами. Мы переправлялись на другой берег, когда на плацдарме уже шел бой. Там вверх взлетали осветительные ракеты, разноцветными огнями рассыпались вспышки подорванных боеприпасов. Стоял сплошной гул. С нашего берега постоянно работала артиллерия, подавляя огневые точки врага. Разместив свое оружие и боеприпасы на плотках, сколоченных из подручных досок и бревен, перекинув через плечо лямки, мы вплавь, подтягиваясь руками за трос, тащили плоты к противоположному берегу. А добравшись до берега с ходу, не успев как следует окопаться, вступили в бой. К этому времени уже начался рассвет. И вражеская пехота не то из тумана, окутавшего болото, не то из облака дыма рвалась вперед, чтобы смять, растоптать и сбросить нас в реку. Немцы, несмотря на шквальный огонь с нашей стороны, подошли совсем близко, и только ручными гранатами, а мы их переправили на плотках в достаточном количестве, нам удалось отбить эту яростную атаку. Потом ребята говорили мне, что немцы атаквали нас пьяными. Более недели полыхали на плацдарме непрерывные бои. С переправы к нам постоянно подходило пополнение, и немцы не выдержали, они отступали и перешли к обороне. Наступила кратковременная передышка, – Александр Филиппович передвинул на столе газету «Ветеранский вестник», устроился поудобнее в кресле, помолчал, о чем-то вспоминая, и продолжал: – Годом раньше во время Курской эпопеи мне бросился в глаза труп немецкого снайпера с размозженной головой и валявшаяся рядом его винтовка с расщепленным стволом, но оптический прицел на ней был исправен. Я снял его и использовал как бинокль. Рассматривая через него позиции противника на днепровском плацдарме, я обнаружил замаскированный полувкопанный в землю пулемет и пулеметчика рядом с ним. Зарядил свое ПТР и выстрелил, целился в коробку с патронами. Пулемет упал, пулеметчик спрятался. Думаю, сейчас пулеметчик будет убегать через бруствер, перезаряжаю свое ружье и жду. Действительно, немец выскочил к брустверу, я успел взять его на мушку и нажал на спусковой крючок, пулеметчик остался лежать на бруствере. Потом, когда началось наступление, мне солдаты рассказывали: «Твоим выстрелом пулеметчику разворотило все плечо и руку оторвало». Вот с таким оружием я начинал войну.

На днепровском плацдарме мы вели бои до начала ноября, а потом нас перебросили под Киев выполнять приказ товарища Сталина, согласно которому столица Украины должна была быть освобожденной к 7 ноября. И мы этот приказ выполнили.»

После войны младший лейтенант А. Ф. Гонцов уже в качестве механика-водителя танка ИС-2 участвовал в параде Победы на Красной площади в Москве. До 1970 года он служил в Советской армии. Участвовал в войне с Японией. Оказывал интернациональную помощь народам Китая и Корейской Народно-Демократической Республики. Был награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, орденом Красного Знамени Китайской Народной Республики, медалями «За боевые заслуги», «За безупречную службу в Вооруженных силах СССР» 1-й и 2-й степени и др. Завершив военную службу в звании майора, он приехал в г. Челябинск и еще 30 лет работал инженером-электриком на Челябинском локозаводе.

В 1998 году возглавил совет ветеранов-челябинцев, участников парада Победы. И с тех пор все свое свободное время отдавал ветеранской работе. 21 января 2008 года друзья и товарищи поздравили его с 84-летием. А когда спросили, какие у него планы на ближайшее время, он ответил: «Достоинно встретить 23 февраля, День Советской армии и Военно-морского флота, это ведь наш самый большой, после Дня Победы, праздник».

ВЕЩИЙ СОН

Когда в совете ветеранов зашла речь о Караматове Романе Караматовиче, которому 12 декабря 2008 года исполнилось 86 лет, бывший начальник Челябинского аэропорта Владимир Иосифович Беляй, ныне заслуженный ветеран, поднял большой палец и сказал:

– О, это был замечательный авиатехник, отличный специалист, общественник, не раз избирался членом парткома, фронтовик, вы поговорите с ним, он вам много интересного может рассказать.

И вот мы с Р. К. Караматовым сидим на скамейке детского парка возле Дворца пионеров и школьников им. Н. К. Крупской и Роман Караматович рассказывает: «Как-то в период разгула демократии по телевидению выступал какой-то умник и пытался доказать, что во время Великой Отечественной войны никто, никогда призы-

вы «За Родину, за Сталина!» и не произносил, что это все ничто иное как советская пропаганда. А я подумал, послать бы хоть один раз этого умника в атаку навстречу свисту пуль, шквалу вражеского огня, интересно, что бы закричал он тогда. Конечно в бою больше шансов остаться в живых у того, кто находится ближе к штабу, ближе к кухне и тому, кто в атаку поднимается последним. Но в бою всегда есть те, кто это делают первыми. Хорошо подготовленное наступление на фронте всегда было расписано по минутам, во столько-то начало артподготовки, через столько-то минут перенос артогня в глубь обороны противника, а во столько-то поднимается пехота. Здесь командиры и политработники предусматривали все до мелочей, в том числе кому и с каким призывом первым подняться в атаку и увлечь за собой бойцов. Обычно это поручалось кому-то из замполитов или парторгов. И тогда грозным призывом звучали слова: «За Родину, за Сталина!» Что это означало в Красной армии «Вперед на врага и ни шагу назад».

Имя И. В. Сталина для нас, фронтовиков, было и остается святым. С этим именем мы шли в бой и побеждали. Перед началом Курской битвы наша батарея занимала позиции в районе Малоархангельска. Где мы, как положено, окопались, устроили для себя блиндажи и пребывали в напряженном ожидании боя. И вот там однажды мне приснился странный сон, как будто бы я нахожусь на встрече глав государств-союзников по антифашистской коалиции. Вот как наяву вижу перед собой руководителей делегации США, Великобритании и нашего товарища Сталина. После окончания встречи президент США Ф. Рузвельт сел верхом на лошадь и поехал по гладкой асфальтированной дороге, премьер-министр Великобритании У. Черчилль последовал за ним, а наш Верховный главнокомандующий И. В. Сталин пошел пешком прямо в противоположную сторону, через поле, загроможденное разбитой техникой, сгоревшими танками, раздавленными орудиями и земля дымилась под его ногами. Вдруг раздался шум и я проснулся. На батарее все уже находилось в движении. Немецкие самолеты разворачивались для атаки. От их бомб погибло много наших лошадей. Появились листовки с призывом сдаваться в плен и вступать в армию Власова. В воздухе загорелся наш ястребок. Летчик выбросился с парашютом. Но немецкий самолет развернулся и дал очередь по парашюту. Парашют раздвоился и стал складываться. Летчик погиб. Мне вручили ПТР, гранаты и направили на правый фланг ба-

тарей, предупредив, что немец готовится к наступлению. А что представляют собой его новые танки типа «тигр», мы уже знали.

Я окопался в указанном месте, на верху возвышенности. Предполагалось, что танки, ожидаемые на батарее, не смогут подняться по ее крутым склонам и, изменив курс, двинутся, подставляя борта под мое ПТР. Приготовился к бою. Вдали вырисовывался холм, в синей дымке лесок, остатки сгоревшей деревни. Смотрю, наши пехотинцы поднимаются, отбегают назад и ложатся, а немецких танков не видно. Потом пехота короткими перебежками снова пытается идти вперед. Ко мне подбегает посыльный и кричит: «Наша батарея снимается, отходи назад!» А у меня ПТР, оно тяжелое, его положено обслуживать двум бойцам, а я один. Забрасываю автомат за спину, ПТР – в руки и быстрыми шагами ухожу в тыл. Сзади рвутся мины, стоит сплошной треск автоматных и пулеметных очередей и мне казалось, что этот треск приближается ко мне все ближе и ближе. Потом шум боя вроде бы начал стихать. Между деревьями увидел красноармейцев, они указали мне, куда следовать дальше. Благополучно догоняю своих. От усталости валяюсь с ног. А мне говорят: «Вечером состоится партсобрание». Оказывается наш парторг погиб. Осколок попал ему в каску и насквозь пробил ее. Мне вручают список коммунистов батареи со словами: «Тебя избрали парторгом, принимай дела».

Батарея разместилась на новых позициях. Убитых похоронили. К орудиям выставили часовых. День закончился. На небе ярко засветились звезды. Я прилег вздремнуть, положив под голову вещмешок, но долго не мог заснуть. Перед глазами стояли картины предыдущего сна, к чему это? – думал я. Мне представлялось, что поле, по которому шел И. В. Сталин, было началом пути, по которому я тащил свое 20-килограммовое ружье, а товарищ Сталин находится где-то здесь, среди нас. Я несколько бы не удивился, если бы увидел его на батарее. Но вот когда в конце ноября замполит объявил нам, что в Тегеране состоялась встреча глав трех великих держав, Сталина, Рузвельта и Черчилля, я просто оторопел. Мне хотелось крикнуть: «Товарищи, я же знал, что эта встреча обязательно произойдет. Я сон видел!» Но я никому ничего не сказал».

Войну Р. К. Караматов закончил в Австрии. День Победы встретил в госпитале. После войны окончил Уфимский авиатехникум. Работал в челябинском аэропорту, где обслуживал малые винтомоторные самолеты: По-2, Як-12, Ан-2, ЛИ-2 и основной тип

самолетов Ил-18. К 1979 году челябинский аэропорт перевозил в год по миллиону пассажиров, за сутки он принимал до ста и отправлял столько же самолетов. Его малые самолеты связывали Челябинск почти со всеми городами и райцентрами области, обрабатывали с воздуха по несколько сот тысяч гектаров сельхозполей. В 1982 году Р. К. Караматов вышел на пенсию, но еще 5 лет работал в аэропорту, передавая свой опыт молодым специалистам.

БРОНЕБОЙЩИК

Вспоминая о боях под Москвой, челябинец, бывший помощник начальника штаба 1235-го полка, сформированной в Чебаркуле 373-й стрелковой дивизии В.М. Балдин рассказывал: «На фронте всякое бывало, однажды, отступая, мы наткнулись на немецкий танк, который шел по дороге и пулеметными очередями прочесывал снежное поле, где мы залегли, закопавшись в снег. Никаких противотанковых средств у нас не было. И вдруг мы увидели нашего солдата с противотанковым ружьем, идущего левее и немного позади танка. Солдат шагал по снегу вразвалочку, с дымящей самокруткой в зубах, рискуя быть прошитым пулеметной очередью. Он дошел до небольшого бугорка. Залег. Поправил шапку. Затушил о ложе ружья недокуренную самокрутку и положил ее себе за ухо. Поплевал на ладони, прицелился и выстрелил по танку. Танк вздрогнул, остановился, задымил и окутался дымом. Солдат-бронейщик сел на снег, достал из-за уха самокрутку, выбил с помощью кресало огонек. Закурил и спокойно наблюдал, как горел танк. Экипаж подбитого танка пытался бежать, но далеко не ушел. Потом мы узнали, что у солдата-бронейщика было всего два патрона».

МАЛЕНЬКИЙ РАЗВЕДЧИК И ЛЕНИНГРАДКА

Маслин Федор Егорович до войны работал мастером на смолоскипидарном заводе в селении Елтырево, расположенном в глухой сибирской тайге. «О нападении фашистской Германии на СССР и начавшейся войне, — рассказывал он, — мы узнали только через неделю, когда учитель сельской школы своим радиоприемником поймал в эфире это известие. Я сразу же пошел в военкомат с просьбой послать меня на фронт. Но поскольку наш завод работал

на оборону, просьбу мою удовлетворили только 31 мая 1942 года. Рост тогда у меня был всего 1 метр 54 сантиметра, поэтому попал я в саперные войска. Памятью же я обладал — будь здоров какой. Быстро овладел секретами саперов, изучил отечественные и немецкие мины. Минировал пути отходов, разминировал проходы для наступающей пехоты, выполнял различные инженерные работы.

Однажды во время Курской битвы мы шли под палящим солнцем, была невыносимая жара, сильно хотелось пить, а воды нигде не было. И вдруг впереди мы увидели колодец. Подбежали к нему, а он доверху заполнен трупами. Командир приказал очистить колодец. Мы вытащили 82 трупа, среди них были старики, старушки и дети. У меня до сих пор, как вспомню об этом, по спине мурашки пробегают. Ну детей-то за что? И вот сейчас находятся так называемые демократы, которые смеют утверждать, что немцы были гуманными, хорошими, и если бы они победили, то все мы попивали бы сейчас баварское пиво. Вот уж действительно, как говорят в народе: «Где умному горе, там дураку забава».

Свою силу сапера я почувствовал, когда мне поручили заминировать дорогу, проходившую между двумя болотами. Я выполнил задание исправно и торжествовал, наблюдая за тем, как на моих минах подорвались два немецких танка. Саперы отличаются в работе особой аккуратностью и точностью. Широко известно изречение: «Сапер ошибается в жизни только один раз». И вот такую ошибку я совершил, когда разминировал противопехотную прыгающую мину. Вначале нужно было вставить чеку, а потом отвинчивать усики, я же чеку не вставил, хотел выполнить работу быстрее. А шинель-то на мне была не по росту, вот рукавом я и задел усик. Мина тут же подпрыгнула, как положено, на высоту полтора метра и должна была разорваться. Но она не разорвалась и упала рядом.

— Маслин, беги! — услышал я крик комвзвода, а сам подумал: ну раз она не взорвалась, так ее нужно довести до ума. Достал отвертку. Вскрыл мину, а в ней нет ни одного запала и лежит записка: «Чем можем, помогаем». Так бойцы невидимого фронта подарили мне право дожить до второй ошибки, но я больше ошибок не совершал.

Как-то для выхода за линию фронта разведчикам потребовался сапер. Выбор пал на меня. Следующий раз разведчики опять делают заявку на сапера Маслина.

— А почему именно Маслин вам нужен? — поинтересовался комвзвода.

— Потому что он маленький, работает незаметно, да ко всему еще и смысленый, — ответили разведчики.

Через некоторое время меня вообще перевели в разведку. А когда командир полка получил себе новую фуражку, то старую фуражку он надел на мою голову со словами: «Носи, маленький разведчик, ты ее вполне заслуживаешь». С тех пор все в полку стали звать меня «маленький разведчик». От того, что я ростом не вышел, у меня в жизни было много неприятностей. Однажды ночью мы пошли за «языком». Выполнив свои саперные дела, я присоединился к группе захвата. Была невообразимая слякоть, шел сильный дождь, погода самая что ни на есть подходящая для разведчиков. Спрыгнули в траншею к противнику — никого нет. Тишина. Пошли вдоль траншеи, видим — блиндаж, а в нем крепко спит немецкий капитан. Почему его солдаты без охраны оставили — не знаю, возможно, от дождя попрятались. Когда ему направили луч фонарика в лицо, он обезумел от страха. Его связали, вставили в рот кляп. Разведчики-то все рослые были, легко закинули его на бровку траншеи и сами выбрались наружу, а про меня забыли. Я прыг-прыг, а руками бровку достать не могу. Слышу шаги. Я притаился. Траншея-то была извилистая, из-за поворота выходит сгорбившись, прикрываясь от дождя капюшоном плаща, немец. Сразил его одиночным выстрелом. Он упал. Перепрыгнув через него, побежал дальше, увидел стрелковую ячейку — здесь наружу выбраться легко. По ступенькам поднялся наверх. Смотрю, рядом стоит пулемет, возле него никого нет. Пулемет мне может ударить в спину, подумал я, схватил его за ствол и поволок за собой, на полпути бросил. Вышел к своим в полосе соседней роты, так меня там, приняв за немца, свои же чуть не пристрелили. А в нашей роте, обнаружив потерю у разведчиков, командир приказал найти Маслина живым или мертвым. У разведчиков таков закон был. В это время звонит командир второй роты и сообщает: «Маслин находится у нас». У всех словно гора с плеч свалилась».

Вернулся Ф. Е. Маслин полным кавалером орденов Славы. Его супруга, Людмила Ивановна Камагина, удостоена не менее достойных боевых наград. Она, как и он, в 1941 году со своими подругами много раз обращалась в военкомат г. Мозга Уд. АССР с просьбой призвать на фронт. Военкому, по-видимому, надоело выслушивать

их, и он решил: «Если вы принесете от врача справку, что вам уже есть по 18 лет, получите повестки». Девушки такие справки предоставили, добавив к своему возрасту по два года. Окончив в Чебоксарах курсы связистов в 1942 году, они отбыли на фронт. «Нас привезли к Ладожскому озеру, — вспоминала Людмила Ивановна, — посадили на корабли и повезли в блокадный Ленинград. Озеро большое, как море, произвело на нас неизгладимое впечатление. Забыв обо всем, мы смотрели на тяжелые, свинцового цвета волны, бегущие навстречу и разбивающиеся о нос корабля, на мерцающий вдали свет маяка, на играющих в воздухе чаек, но вдруг появились немецкие самолеты, черными коршунами они повисли над кораблями. Разрывы падающих бомб поднимали вверх огромные массы воды, и стало трудно понять, что делается за бортом. Наш корабль бросало то в одну, то в другую сторону. Отбомбившись, самолеты улетели. Среди нас никто не пострадал. К противоположному же берегу причалили только два корабля из пяти, остальные погибли.

Нас быстро усадили в автомашины, доставили в Ленинград на транзитку возле Финляндского вокзала, и началась наша служба, полная тревог и лишений. Моей основной обязанностью стало дежурство на коммутаторе, а после смены приходилось выполнять самые разнообразные поручения. Однажды командир дал нам веревку, автомашину-полуторку и приказал пройти по квартирам жилого дома и там, где есть умершие люди, завернуть их в простыни и с помощью веревки через окно опустить в кузов автомашины. Я расскажу только об одной картине, которая предстала тогда перед нами. Заходим в комнату, видим мертвого ребенка, лежащего под кроватью, другой мертвый ребенок лежал под периной, третий от голода перед смертью почему-то залез в шифоньер. А хозяйка-мать сидела на кухне, прислонившись к стене, тоже мертвая, изо рта ее торчала простынь, умирая она жевала и глотала ее.

12 января 1943 года, когда началось наступление Ленинградского и Волховского фронтов, я на коммутаторе держала связь с тремя полками. А после жестоких шестидневных боев у нас осталось в строю только 90 человек. Сейчас, полвека спустя, я все убеждаюсь в том, что гибель бойцов не была напрасной. 18 января они прорвали блокаду и ценою своих жизней спасли население Ленинграда от голода. Да и у нас, солдат, оставшихся в живых, тоже на душе стало веселее. Как-то идем мы на задание строем.

Растянулись. Настроение у всех хорошее, песни поем. И вдруг начался артналет. Впереди идущие попрыгали в расположенные у дороги копанеры. Мы же в задних рядах растерялись. Я вначале хотела спрятаться в крапиве, а потом побежала к копанеру. В это время очередной снаряд попал прямо в пень. Взрывной волной бросило меня на дно копанера, где вниз лицом уже лежали солдаты. Я упала на них поперек, и нас засыпало землей. Когда артналет закончился, послышался голос командира: «Выходи строиться!». Люди начали покидать свои убежища, а мы лежим не шелохнувшись.

— Почему не поднимаетесь? — обратился по нашему адресу командир.

— На нас снаряд лежит, уберите его, — ответил ему кто-то снизу.

— Да какой снаряд, это на вас связистка упала, — успокоил их командир, и все дружно рассмеялись.

После ранения и пребывания в госпитале меня определили на Белорусский фронт, где я и встретила День Победы. Мне не пришлось жить в Ленинграде в мирное время, но война сблизила меня с этим городом так, что я до сих пор считаю себя ленинградкой».

После войны куда только не забрасывала судьба маленького разведчика и ленинградку. Они исколесили весь Советский Союз от Калининграда до Дальнего Востока, а встретились в Казахстане. К тому времени они оба овдовели, вместе участвовали в ветеранском хоре, вместе избирались в городской совет ветеранов. Любви все возрасты покорны. И они поженились. Жили неплохо. Но наступила так называемая перестройка. Реформаторы, пренебрегая предупреждением классиков о том, что религия — это опиум для народа, вместо просветительной работы стали насаждать религиозные догмы, разделять людей по национальным, религиозным, социальным, региональным и даже возрастным признакам. Стало неуютно в Казахстане маленькому разведчику и ленинградке, и они перебрались к своим детям в Челябинск. «Теперь из Челябинска — никуда, — говорят они, — будем здесь до конца дней своих».

МОРСКАЯ ПЕХОТА

Моряки народ отчаянный, в полный рост — и вперед. В битве за Москву их черные шинели хорошо вырисовывались на снегу и

служили мишенью для врага. Учитывая это, накануне освобождения Яхромы бойцам 62-й морской бригады, укомплектованной моряками-дальневосточниками, предложили сменить морскую форму на полевую. Но моряки ответили категорическим отказом, ведь все они оставались приверженцами флотской службы и мечтали, защитив Москву, вернуться на свои корабли, а морская форма на них была той ниточкой, что связывала их с морем.

При штурме Яхромы артиллерия не сумела полностью подавить огневые точки врага, засевшего за кирпичными стенами цехов чулочно-трикотажной фабрики, и поэтому снег на подступах к поселку почернел от шинелей и бушлатов павших бойцов. Но оставшиеся в живых моряки ворвались в Яхрому и после восьмичасового боя освободили селение, поставив точку в операции, начатой сутки назад, когда враг находился по одну сторону канала Москва—Волга, в Яхроме, а мы — 62-я морская бригада — на другой стороне канала, в районе Дмитрова. Накануне наступления комбриг капитан I ранга Рогов приказал нам — саперам в течение ночи соорудить переправу через канал. Дело было зимой, в начале декабря 1941 года, стояли крепкие морозы, канал покрылся льдом, но танки и артиллерию лед выдержать не мог. Мы порезали все деревья, растущие вблизи, уложили их на лед по ходу движения вразбежку, зазоры между ними засыпали снегом и залили водой, мороз быстро сковал их. Второй слой деревьев уложили поперек движения и все операции повторили.

Утром в 8 часов морская пехота, танки и артиллерия без замечаний переправились на противоположный берег, что оказалось совершенно неожиданным для противника и во многом способствовало успеху.

А вот под Клином немец нас уже ждал, заминировав все подходы к городу. В ночь перед атакой мы должны были проделать в минных полях проходы. Мины, примененные немцами, имели круглую форму с конусообразной крышкой, в которой находился капсюль. Если удавалось капсюль вывернуть, считалось, что мина обезврежена. Но немцы часто устанавливали мины с «сюрпризами», точно такие же, но имеющие второй капсюль внизу или сбоку. Нижний капсюль вмерзал в землю, и стоило мину потянуть, как он срабатывал. Поэтому, обнаружив мину, мы привязывали к ней телефонный кабель, отходили подальше и сдергивали ее с места. Если мина молчала, значит можно было разряжать ее дальше. Один

наш товарищ — матрос Ладыгин из Архангельска, всегда отличавшийся аккуратностью, в тот момент почему-то критически отнесся к «затее с телефонным кабелем». «Да вы что, — возмутился он, — мы так и до утра не управимся». Подошел к mine, потянул ее с земли и... От него одни ноги в валенках остались. Смотреть страшно было, внутренности метров на 20 разлетелись. Аналогичные подрывы наблюдались и в соседнем взводе.

Но задачу саперы выполнили. И Клин тоже был освобожден. За что группе бойцов, и мне в их числе, вручили ордена Красной Звезды, а 62-ю морскую бригаду, освободившую в Подмосковье четыре десятка населенных пунктов, удостоили ордена Красного Знамени.

В конце февраля 1942 года 62-я морская бригада держала оборону в районе Демянского фанерного завода. Немцы обрушили на нас армаду своих самолетов итальянской конструкции, с крыльями, почему-то выкрашенными наполовину в желтый цвет. Обстановка усложнялась. Неожиданно появились два советских истребителя. В воздухе завязался бой. Один за другим ушли книзу, объятые пламенем, и врезались в землю два немецких бомбардировщика, другие сбрасывали бомбы куда попало и поскорее уходили. Вдруг и наш истребитель, оставляя за собой черный шлейф дыма, быстро понесся к земле. Летчик, вероятно, пытался дотянуть до своей территории, но не смог. Самолет упал на нейтральной полосе. Немцы намеревались прорваться к самолету, но их отогнали пулеметным и автоматным огнем. А потом трое матросов ползком по снегу добрались до истребителя, вытащили летчика из кабины, он был уже мертв. Волоком доставили его к своим. Летчик этот оказался Тимуром Фрунзе, сыном прославленного полководца гражданской войны М. В. Фрунзе. Позднее нам рассказывали, что Тимур со своей сестрой после смерти родителей воспитывался в семье К. Е. Ворошилова. После войны сестра его стала доктором наук, работала в оборонном НИИ и имела генеральское звание. Тимуру же за последний его бой присвоили звание Героя Советского Союза посмертно.

Вспоминая о своем участии в боях в составе морской пехоты, я всегда думаю, что мне здорово повезло, ведь из трех братьев домой с фронта вернулся я один, получив три ранения, остался жив. Первый раз меня ранило в руку 20 сентября 1941 года во время схватки с немецкой разведкой. Второй раз 5 апреля 1942 года,

убегая от преследования самолета, я прыгнул в воронку, рассчитывая, что бомба два раза в одно и то же место не падает. Но самолет развернулся и дал очередь из пулемета, пробив мне руку и грудь. А в третий раз 28 октября 1942 года в районе Лычково, километрах в пятидесяти от Бологое, мы захватили немецкую батарею, стоявшую на насыпи. Немцы ее пытались отбить. Стали бросать гранаты с длинными деревянными рукоятками. Я одну из них схватил и метнул обратно туда, откуда она прилетела, а вторую — не успел и получил ранение в голову. Ощущение было такое, что меня будто бы подбросило высоко вверх, и я медленно опускаюсь на землю; когда открыл глаза — передо мною все кружилось. Услышал голос: «Ты жив?»»

После окончания курса лечения в Томском военном госпитале мне дали отпуск на целый месяц. Знали бы вы, как я тогда обрадовался. Без промедления выехал в Челябинск, но получилось так, что весь отпуск мой прошел в дороге, потому что на многих станциях поезд держали по нескольку суток, пропуская вперед эшелоны с грузом для фронта. Сухой же паек отпускникам выдали сухарями. Я грыз их, и от этого стык, еще не окрепший от ранения моей челюсти, разошелся, все лицо разбарабанило, И в Челябинске меня вновь поместили в госпиталь, где врачи еще раз осмотрели осколок, величиной 10х2,5 миллиметров, засевший у меня в голове за ухом, сделали снимок и сказали: «Лучше осколок не трогать». Так я и живу с ним. Голова, правда, часто побаливает.

Из госпиталя меня выписали с заключением: «Годен к нестроевой». Так что в морскую пехоту я больше не попал, до 1947 года служил в общевойсковых частях, а потом много лет работал на железной дороге, откуда и ушел на пенсию», — завершил свой рассказ председатель комитета ветеранов ВМФ Советского района города Челябинска старший сержант в отставке Виктор Матвеевич Сутормин. В настоящее время он, как и многие ветераны, большую часть своего времени проводит на садовом участке, ставшем для пожилых людей в годы разрушений, называемых реформами, хоть каким-то, но подспорьем.

23 июля 1999 года Виктор Матвеевич, надев свой парадный костюм с боевыми наградами, участвовал в приеме-встрече флотских ветеранов, приуроченной ко Дню Военно-Морского Флота, представляя на ней фронтовых моряков своего района, а также своих братьев, не вернувшихся из боя.

В ОКРУЖЕНИИ

Шел третий месяц войны. Мы отступали. Оружие теперь имели все красноармейцы, а в начале боев его не хватало. Продолжал действовать строгий приказ: «Стреляные гильзы собирать и сдавать в хоззвод». В районе Ельни наш батальон оказался в окружении. Над мохнатыми верхушками сосен со всех сторон наблюдались вспышки разрывающихся снарядов, молнией проносились трассирующие пули, повсюду шли ожесточенные бои. Нас оставалось человек 300. Командиры пытались сохранять уверенность, но чувствовалось, что тревога все больше охватывает и их. Меня вызвали в штаб, дали пять красноармейцев, два пулемета, каждому по две гранаты и поручили провести разведку с целью поиска путей выхода из окружения. Когда мы уходили на задание, все смотрели нам вслед с нескрываемой надеждой. А мы куда ни двинемся — везде немцы. Вернулись в штаб, а штаба и батальона уже нет. Решили прорываться из кольца самостоятельно. Во время одного из переходов на нас неожиданно с криком «хальт!» выскочили немцы. Мы бросились бежать, отстреливаясь на ходу, и вскоре потеряли друг друга.

Я бежал до тех пор, пока не оказался на краю какого-то окопа. Гляжу, а в нем немцы. Почти машинально, встряхнув гранату, бросил ее в окоп, отпрыгнул в сторону деревьев и под прикрытием их побежал в другую сторону. Примерно через час вышел на проселочную дорогу, увидел трактор и людей возле него. Трактор вроде бы наш. Обрадовался. Но от трактора отделился человек, вскинул винтовку и крикнул по-немецки: «Кто такой?» Я ответил тоже по-немецки: «Свой!» И выстрелил первым. Бросил в сторону трактора последнюю гранату, метнулся через дорогу в лес и как можно быстрее стремился удалиться от этого места. Попят в какую-то яму. Перебираясь через болото, оставил в нем оба сапога. Почувствовал, что-то слепит глаза, провел по лицу рукой, а на ладони кровь, оказывается ранен в голову и в ногу, к счастью не тяжело. В таком виде я добрался до шоссе. Решил понаблюдать за ним. Вскоре увидел несколько приближающихся грузовиков. Подумав, что это наши прорываются из окружения и, опасаясь, что они не остановятся, не подберут меня, выхватил пистолет и, размахивая им, выбежал на дорогу. Передний грузовик остановился. Я здоровой ногой вскочил на подножку, сунул голову в кабину и...

потерял сознание, по-видимому получив удар по голове. Очнулся в кузове на мешках с продуктами, автомашина-то оказалась немецкой. Сильно хотелось пить. Попросил воды у сидящих рядом немцев. Они подумали, что я курить прошу, суют папиросы, показывают карту. «Москва капут, Ленинград капут», — говорят. И, увидев на моем рукаве командирские нашивки, долго обсуждают: офицер перед ними или комиссар. Но комиссары на месте нашивок имели звезду, на моем рукаве она отсутствовала. Поэтому меня не расстреляли сразу, а передали солдату-мотоциклисту.

Мотоциклист, постоянно наезжая колесом на мою раненую ногу, гнал меня бегом впереди мотоцикла километра два до небольшой деревеньки, где уже было собрано множество наших пленных. Меня подвели к тем пятерым, что возле церкви копали большую яму. Здесь же у церковной ограды лежали десятка два расстрелянных красноармейцев-пограничников. Конвоир приказал вывернуть карманы, забрал все их содержимое: деньги, перочинный нож, стрелянные гильзы и со всего маха так ударил меня по шее, что я улетел в яму, а сам ушел. Красноармейцы подали лопату, помогли выбраться наверх, я тут же отпорол пришитый с внутренней стороны гимнастерки комсомольский билет и закопал его в землю. Потом снял с убитого красноармейца и надел на себя сапоги и шинель, скрыв тем самым свою командирскую принадлежность.

На другой день нас построили в четыре шеренги. Приказали комиссарам и офицерам выйти из строя. Кто-то вышел, кого-то выводили, проходя вдоль шеренг и всматриваясь в лица пленных. Когда подходили ко мне, я думал, что все, конец, но они прошли даже не обратив внимание. После чего перед строем выступил их агитатор: «Москва капут, Ленинград капут, рус капут, — говорил он, — колхозы разгоняем, а вам дадим землю, чтобы вы на ней работали». И вдруг правее меня в колонне раздался крик «ура!» и хлопанье в ладоши. «Правильно мы сделали, что пристрелили своего лейтенанта и сдались в плен!», — захлебываясь от восторга, кричал какой-то подонок».

В этом месте Хайкул Менделеевич Крамник прервал рассказ, посмотрел на своего внука Артема, который сидел рядом и внимательно слушал деда. После войны уже прошло более полувека, время сделало свое дело, поэтому в рассказе деда не чувствовалось эмоций и переживаний, он как бы пересказывал большую интересную книгу, но когда дошел до факта предательства, в голосе его

появились нотки досады и сожаления. Словно испытывая неловкость перед внуком и вообще перед молодым поколением, он с какой-то внутренней болью произнес: «Хотите верьте, хотите нет, но я был свидетелем этого».

Стало необычно тихо вокруг. Каждый задумался о чем-то своем. Из мира войны, куда увлек своим рассказом Х. М. Крамник, вернул нас в реальную жизнь тяжело нагруженный грузовик с железобетонными конструкциями, проехавший мимо к строящемуся Пососедству жилому дому. Грузовик встретил стропальщик с красной повязкой на рукаве, а к привезенным конструкциям медленно потянулась стрела башенного крана. Подумалось, а сколько нужно было отдать человеческих жизней, чтобы защитить вот этот мирный труд. Невольно вспомнился митинг, прошедший 9 мая 1998 года, когда у мемориала танкистов-добровольцев Челябинска развевались красные флаги, звучал Гимн Советского Союза, ораторы-фронтовики вспоминали о своих боевых товарищах, говорили об организующей роли Коммунистической партии. Генералиссимуса И. В. Сталина и о той цене, которую пришлось заплатить за Победу. Митинг вместе с возложением венков длился всего минут 30, а растроганные, со слезами на глазах люди долго не расходились. До поздних сумерек былолюдно у Вечного огня.

Однако, как выяснилось позднее, этот День Победы пришелся по душе не всем. Нашлись недовольные, обвинившие организаторов в приватизации праздника. Кто знает, может быть эти недовольные были как раз из тех с правого фланга, о которых рассказал Х. М. Крамник, мало ли их сражалось под трехцветным флагом царской России на стороне фашистской Германии. Получив в свое время по заслугам, они долго находились в блокаде всеобщего презрения, а теперь вдруг изъявляют желание, чтоб их чествовали наравне с фронтовиками, отдававшими свои жизни за Родину.

«Дедушка, а что было дальше?» — прервал молчание Артем. «А потом, — продолжал Хайкул Менделеевич, — нас семь дней гнали в колонне, не давая ни есть, ни пить. Тех, кто отставал, расстреливали. Конвоиры несли службу в две смены, периодически отдыхая в двигающемся рядом бронетранспортере. После каждого привала я старался встать впереди колонны, а к вечеру, обессиленным, оказывался в конце нее. Однажды среди оборванных и изнеможенных людей я увидел знакомое лицо, это оказался мой однокашник по училищу Петр Хрумов. Мы договорились с ним бежать.

Выбрав момент, когда расстояние до леса было короче, а до конвоира длиннее, бросились в сторону деревьев. Сзади нас началась беспорядочная стрельба. Кто в кого стрелял — нас уже не интересовало. Превозмогая боль в ноге, я старался не отставать от Хрумова. Мы бежали, отсчитывая секунды жизни, которая в любой момент могла оборваться от выстрела вдогонку. Под свист пуль вбежали в лес, но он скоро кончился, смотрим, а на другой его стороне тоже немцы. Мы — обратно в лес.

К вечеру голодные, еле-еле волоча ноги, вышли на окраину какого-то села. Попросились на ночлег, а нас не пускают, немцы под угрозой расстрела запугали селян. «Идите вон в тот дом, там бедняк живет, он пустит», — посоветовали нам. В постоянной тревоге, преодолевая километр за километром, в основном ночью, мы двигались на восток. Лишь на исходе года, когда началось наступление советских войск под Москвой, мне удалось выйти к своим. После тщательной проверки в особом отделе дивизии и пребывания в батальоне для выздоравливающих бойцов, я получил назначение на должность командира минометного взвода в 150-ю танковую бригаду под Воронеж, где развернулись бои с целью отвлечения противника от Сталинградского направления.

1 мая 1942 года подходят ко мне комбат и парторг и предлагают вступить в партию.

— Да я же всего три месяца, как из плена вернулся, — не без сожаления напомнил им.

— Ничего, — ответил комбат, — мы видели тебя в бою, а все остальное неважно.

Я был бесконечно тогда горд и рад такой оценке командиров и в каждые последующие бои уходил со стремлением оправдать их доверие».

Минометчики

В полночь батарея 82-миллиметровых минометов старшего лейтенанта Х. М. Крамника, насчитывавшая в своем составе 65 человек, получила приказ выдвинуться на новый огневой рубеж. Боевые расчеты, приведя свое оружие в походное положение, без промедления один за другим шагнули в гроыхающую, прорезаемую вспышками разрывов ночь и растаяли в темноте. Первые номера несли на себе стволы, вторые — лафеты, третьи — плиты, а четвертые, пятые и шестые несли лотки с минами по три штуки в

каждом. По лесной тропинке они вышли к большой поляне, под покровом темноты преодолели ее, рассредоточились и приготовились к бою. Летом ночи короткие. Когда рассвело, минометчики, осмотревшись, глазам своим не поверили, оказывается, ночью они прошли через плотное минное поле. Повсюду зловеще торчали из травы хорошо видимые в лучах поднимающегося из-за леса солнца колышки с табличками на немецком языке «Внимание мины». Даже выдавшие виды ветераны батареи удивились и не могли припомнить ни одного подобного случая. «Мы установили мировой рекорд по преодолению минных полей», — шутили бойцы, — пусть теперь кто-нибудь попытается повторить его». Но с рассветом начался бой, и всем уже было не до шуток.

В ходе дальнейших боев минометчики, поддерживая передовые части огнем своих минометов, не раз оказывались в ситуациях и покруче. Только пятерым, из прошедших через минное поле, довелось встретить победу на территории поверженного врага. Сошел с дистанции по пути в Берлин и их командир Х. М. Крамник. Это случилось в конце января 1945 года в Верхней Силезии во время уличных боев в городе Рыбники, когда на пути атакующих оказались немецкие танки.

«Из окна 5-го этажа жилого дома, — рассказывал Х. М. Крамник, — хорошо было видно на противоположной стороне площади три танка и самоходное орудие. Экипажи танков почему-то находились возле машин, вероятно грелись. Посоветовавшись, мы договорились, что я внезапно накрываю немцев минометным огнем, а командир роты Савельев со своими автоматчиками броском преодолевает площадь. При этом рассчитывали, что вражеские экипажи не успеют занять свои места в танках. А чтобы лучше корректировать огонь минометов, я раздвинул на окне занавески, что по видимому делать не следовало бы. Немцы немедленно вмазали в наше окно из пушки. Я не потерял сознание, но оглушенный, с перебитой правой рукой, вывалился вместе с обвалившейся кирпичной стеной на балкон, успев крикнуть: «Ребята, меня кажется убило!»

А потом все проходило, как во сне; я оказался уложенным в трофейную повозку, запряженную парой лошадей, которых погоняли два красноармейца. Перед моими глазами, словно в тумане, маячили их спины и медленно проплывала бесконечная голубизна небес, в которую то врывались, то исчезали сухие ветви деревьев,

растущих вдоль дороги. И вдруг один из красноармейцев, вскрикнув, упал прямо на меня. Слева и справа защелкали пули. Ездовой, подхватив вожжи, хлестал ими лошадей и что-то кричал. Когда лошади вынесли повозку из-под обстрела, убитого красноармейца положили рядом со мной. В медсанбате его осмотрел врач, но ничем уже не мог помочь.

Меня же переводили из госпиталя в госпиталь три раза, и всегда каким-то образом бойцы батареи находили мой новый адрес. Они писали теплые ободряющие письма с фронта, сообщали о своих успехах и потерях, о взятых городах и о вызывающих улыбку бытовых историях, которые иногда встречались на фронте. Эти письма я до сих пор храню как самые дорогие реликвии».

Из госпиталя Хайкул Менделеевич Крамник вышел уже после войны инвалидом второй группы. К этому времени он знал, что его дом в Белоруссии разрушен, а родителей и родственников расстреляли немцы. Оставалась только сестра, которая жила в Свердловске. Больше ехать было не к кому. Он поступил в Уральский политехнический институт, окончил его и работал до самой пенсии в системе «Челябэнерго», строил Южноуральскую ГРЭС, Челябинскую ТЭЦ-2, возглавлял различные службы в аппарате управления. Будучи пенсионером он много времени уделял и продолжает уделять общественной работе, поддерживает связь с оставшимися в живых однополчанами. А по праздникам надевает свой парадный мундир, на котором красуются ордена Отечественной войны 1 и 2 степеней и орден Красной Звезды. Его, строгого и подтянутого старшего лейтенанта в отставке, часто можно увидеть на конференциях и собраниях, проводимых Советом ветеранов Челябинска, где он представляет славную гвардию фронтовых минометчиков.

С УЛИЦЫ КОЖЕВЕННОЙ

До войны улица Кожевенная в городе Челябинске была одной из самых спортивных. Она начиналась от реки Миасс и примыкала к улице Кирова в районе нынешнего магазина «Для новобрачных». По ней лишь изредка проезжала одинокая повозка. И никто не мешал здесь ребятам играть в футбол. Свои ворота они обозначали кепками и фуражками. Если вратарь прыгал и не доставал мяч, это считалось, что мяч прошел выше ворот. Если же мяч залетал кому-

нибудь в полисадник или попадал в окно дома Алексеевых — это уж был бесспорный аут.

Своим капитаном уличные футболисты выбирали всегда Севу Коростелкина, потому что он, кроме виртуозного обвода соперников, умел делать сальто, стоять на одной руке, имел значок ГТО 2 ступени (отличник), а во дворе своего дома сам смастерил почти все гимнастические снаряды, кроме того, от забора до амбара натянул проволоку и свободно ходил по ней. Сева мечтал стать артистом цирка и обязательно стал бы им, если бы не война.

После окончания 10-го класса его призвали в армию и направили учиться в школу младших авиаспециалистов Челябинского авиационного училища. Обстановка же на фронте складывалась так, что все больше и больше требовалось командиров в стрелковые части. Поэтому, по решению командования, курсантов всего набора школы срочно перебросили да я продолжения учебы в Камышловское пехотное училище. А еще через четыре месяца, когда стало известно, что враг намеревается расправиться с окруженным городом Ленина, курсантов Камышловского училища рядовыми бойцами отправили на фронт.

«Вероятно для того, чтобы отвлечь противника от Ленинграда наше командование решило провести ряд наступательных операций на Волховском фронте. Для участия в них мы километров 70 шагали вдоль железной дороги, по направлению к станции Синявино, в полной боевой выкладке. А она у солдат равнялась 32-м килограммам, у меня же было еще тело пулемета, весившее 16 килограммов, — рассказывал Всеволод Матвеевич Коростелкин в один из, на редкость холодных ноябрьских дней, 1999 года, когда обсуждалось его предложение создать в Челябинской школе № 115 музей «Защитников Ленинграда». — Знаете ли вы, что такое не спать трое суток? А спать на ходу? — продолжал он, — мне же все это пришлось испытать. Идешь, бывало, в строю и спишь. Глаза открытые, видишь впереди идущего товарища. Он тоже уснул и идет в сторону, ты — за ним, а за тобой — сзади идущие, и строй распадается.

В Ленинграде почва своеобразная, на возвышенностях песок, а чуть пониже — торф. Станешь для пулемета окоп оборудовать, только копнешь — вода. И лежишь во время боя голым брюхом в этой воде, а сентябрь ведь это уже не лето.

Несколько раз отбивали мы у немцев железную дорогу, и каждый раз приходилось ее оставлять. Все бои эти для нас были

первыми. Спали урывками, в основном, во время артподготовки. Но как только пушки замолкали, бойцы сразу же оказывались на ногах. Однажды командир взвода где-то раздобыл трофеи — чистокровную русскую водку и подарил нам четвертинку. Мы выпили ее. Начался очередной артобстрел. Решив до окончания его немного вздремнуть, мы улеглись в окопе. А когда проснулись — вокруг тишина, никого нет и пулемета нашего тоже нет. Оказывается, рота ушла вперед и пулемет прихватила с собой. Не расстреляли нас тогда только потому, что пожалели. Командир добрый был. «Вот ваш пулемет, — говорит, — берите и немедленно на позицию».

Пулемет «Максим» — оружие, которое чистоту любит. Однажды между боями я расстелил брезент и только разобрал своего «Максима», чтобы почистить его детали, как впереди нас разрывается мина, вторая — гремит сзади. Чувствую, что в вилку берут.

— Ну, если третья мина ляжет близко, будем уходить, — говорю я второму номеру Сашке.

И тут же раздаётся оглушительный взрыв. Меня словно палкой по спине ударили. В голове помутилось. Правая рука повисла и перестала слушаться. Боль, кровь, обида и ярость переполняли меня. Я вскочил на ноги и, грозя немцам кулаком, — кричал:

— Ну погодите, гады, я еще вернусь!

Меня схватили за полы шинели и затащили в блиндаж. А потом отправили в госпиталь, где удалили осколки из области спины, кроме одного, который до сих пор живет во мне, но ничем не беспокоит. А вот с рукой было сложнее, она никак не хотела меня слушаться. Веря в силу физических упражнений, я настойчиво разрабатывал ее. Результаты незамедлительно сказаться. Меня признали годным к строевой и направили на курсы младших лейтенантов. После окончания их, в декабре 1942 года, я вновь оказался на Волховском фронте, и опять в районе Синявино, в должности командира пулеметного взвода 73-й отдельной морской бригады 2-й ударной армии, той самой армии, которая год назад, в результате гнусного предательства генерала Власова, была сдана немцам. Но знаменитый взвод с горсткой храбрецов сумел тогда вырваться из окружения и спасти знамя. Что позволило сформировать новую 2-ю ударную армию, и теперь ей предстояло прорывать блокаду Ленинграда. К столь ответственной операции войска тщательно готови-

лись, тренировались брать укрепления, искусственно построенные по типу немецкой обороны.

После учений К. Е. Ворошилов, наблюдавший генеральную репетицию перед прорывом, особо отметил действия пулеметчиков и, проходя вдоль строя, каждому из нас пожал руку. Благодарность маршала мы восприняли как аванс перед боем.

12 января 1943 года после длительной артподготовки 2-я ударная пошла в наступление. Навстречу ей вдоль побережья Ладоги двигалась 67-я армия Ленинградского фронта. Через неделю войска обоих фронтов соединились, проделав коридор в обороне врага шириной 8—11 километров. Мы встречались с ленинградцами с чувством выполненного долга. А многие ленинградцы - боевые ребята, при встрече не могли сдержать слез.

После прорыва блокады, а затем и снятия ее, в январе 1944 года меня назначили командиром роты автоматчиков, подчинявшейся непосредственно командиру полка. Когда в часть прибывало новое пополнение, мне, в первую очередь, представлялась возможность отобрать в роту наиболее достойных новичков. Поэтому автоматчики были все рослые, сильные, стройные, в основном, спортсмены и являлись гордостью полка. Роту выдвигали на самые опасные и ответственные участки. Но мы всегда выходили победителями. И в том памятном броске на врага, в марте 1944 года, под Псковом, при проведении разведки боем, тоже все складывалось вначале так, как нам хотелось. Под артогнем приблизились к обороне противника, захватили его первую траншею, завязали бои во второй траншее и вдруг я получаю сильнейший удар в лицо. Разрывная пуля пробила щеку, отломила челюсть, вошла в плечо, повредила мышцу и разорвалась уже на выходе. Такое случилось потому, что гитлеровец стрелял с близкого расстояния, метров с двадцати. А пуля у немцев разрывалась не сразу. Бывало так, она задевает травинку, пролетит еще с десятков метров, а потом разрывается.

В тяжелом состоянии оказался я опять в госпитале. Челюсть мне скрепили так, что рот не стал открываться и совсем не работала рука, на этот раз — левая. Вновь оставалась последняя надежда на физические упражнения. Я разработал специальную гимнастику для поврежденных мышц, выполнял их ежедневно и через три месяца вернулся в строй. Прошел Польшу, Германию. Войну закончил под Берлином в должности адъютанта старшего стрелкового

батальона. И все это время находился рядом со мной ординарец Гриша. Я ему всегда в походе говорил:

— Если мы останавливаемся хотя бы на два часа, не ленись, выкопай пару ячеек, чтоб в случае чего нам было где голову спрятать. А если мы останавливаемся на 10 часов — копай окоп во весь рост.

И Гриша копал, добросовестно выполняя мое поручение.

Кончилась война. Началась демобилизация. Один за другим уезжали на родину солдаты. Наступила очередь прощаться с Гришей. Он подошел ко мне с лопатой в руках и обращается со словами:

— Товарищ старший лейтенант, вот эта лопата спасла нам жизнь, разрешите ее увезти с собой на Украину.

Ну, а каково мне, строевому командиру, отдавать просто так полковое имущество, ведь это же шанцевый инструмент. Я посоветовался с замполитом, внес в полковую кассу стоимость лопаты и подарил ее Грише. Где он сейчас? Жив ли? И сохранил ли эту лопату? — не знаю».

Вернувшись домой после службы, в 1947 году Всеволод Матвеевич поступил учиться в Челябинский педагогический институт на спортивный факультет. Упорно работая над собой, он совершил еще один спортивный подвиг. Имея за спиной два тяжелых ранения и две контузии, сумел выполнить нормативы первого спортивного разряда по акробатике, стать чемпионом города и призером республики в своем разряде.

В последние годы жизни он вместе с женой Верой Ерофеевной жил в новом районе Челябинска, в новом многоэтажном доме, в квартире современной планировки. Но каждый раз, проходя по берегу Миасса, он невольно замедлял шаг и останавливается на том месте, где когда-то начиналась маленькая улочка Кожевенная, на которой прошло его детство, укрепилась дружба со спортом, откуда его провожали на фронт и куда, один из немногих своих сверстников, он вернулся обратно.

САПЕРЫ

После окончания 7 класса Николаев Владимир Федорович с 16 летнего возраста работал на шахте в Копейске. 22 июня 1941 года

он гостил у старшего брата в Челябинске. Здесь и услышал по радио сообщение о нападении фашистской Германии на СССР. В то время из Копейска в Челябинск ходил один единственный автобус и поезд, паровоз с тремя вагонами, под названием «Ученик», который возил учащихся. На нем В.Ф. Николаев вернулся домой. В Копейске все его друзья и знакомые только и говорили о начавшейся большой войне. Тогда все шахтеры имели бронь от призыва на фронт. Но в 1943 году, когда на комсомольском собрании поднялся вопрос о формировании Уральского добровольческого танкового корпуса, В.Ф. Николаев немедленно написал заявление с просьбой зачислить его танкистом в УДТК. Подбор добровольцев в корпус производился особенно тщательно. Кроме медицинской комиссии добровольцы проходили мандатную комиссию, собеседования в ГК ВЛКСМ, ГК ВКП(б) и военкомате. Всего в УДТК было отобрано 120 копейчан. Их привезли в Челябинск, разместили во 2-й школе ЮУЖД. Здесь новобранцы узнали, что УДТК формируется в составе: трех танковых бригад, тяжелого танкового полка, самоходно-артиллерийского полка, легко-артиллерийского полка, минометного полка, зенитно-артиллерийского полка, отдельного моттоциклетного батальона, батальона связи, 743-го отдельного саперного батальона и вспомогательных служб. В.Ф. Николаева зачислили в саперный батальон.

«Наш корпус,- вспоминал Владимир Федорович,- получил боевое крещение на северном фланге Орловско-Курской дуги и находился в постоянном наступлении, поэтому надобности в минировании чего-либо у нас не было. Нашей задачей было разминирование проходов и сооружение переправ через реки. Первую переправу мы строили вблизи Болохова у села Борилово. Вначале разведали дно реки, измерили глубину. В стороне от реки, вдали от глаз вражеских разведчиков, заготовили из бревен опорные рамы и элементы настила. Затем ночью на лошадях подвезли их к берегу и за ночь соорудили переправу. А утром налетели немецкие самолеты, и началась бомбежка. Специальных укрытий не было, мы прятались, кто, где сумеет. Я спрятался под стоящим танком. От сильных взрывов вздрагивала земля и танк тоже. Уши чем-то заложило и я почти ничего не слышал. А когда самолеты улетели, и наступила относительная тишина, я выбрался из-под танка и увидел такую картину: Одному из наших саперов осколком срезало ногу вместе с сапогом. Он схватил свою ногу, приставил ее на место, крепко

прижал, умоляющими глазами смотрел на подбежавшую медсестру и спрашивал:

— Нога прирастет?

— Нет,- покачала головой сестра.

В отчаянии солдат забросил сапог со своей ногой в реку, упал и потерял сознание.

В дальнейшем мы к таким эпизодом привыкли и такого угнетающего настроения они нам не создавали. «Война есть война,- говорили все. Продолжая победное наступление запад, взламывая оборону врага, освобождая города и села нашей Родины, сметая со своего пути захватчиков, наш корпус стал именоваться «10-м гвардейским Уральско-Львовским Краснознаменным орденов Суворова и Кутузова добровольческим танковым корпусом», а наш батальон – «131-м отдельным гвардейским орденов Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского и Красной Звезды саперным батальоном».

Последнюю переправу мы восстанавливали из подручных материалов через канал на окраине Берлина. И однажды втроем, проходя мимо жилого дома, услышали крик женщины. Она звала на помощь. Мы забежали на второй этаж дома и увидели, как какой-то мужчина в штатском застрелил женщину, вторая женщина с ребенком на руках сидела и тряслась от страха. Увидев нас, мужчина пустил себе пулю в висок. Для меня это была последняя смерть на немецкой земле. На другой день из-под Берлина наш корпус перебросили в Чехословакию, а оттуда в Венгрию в город Шапрон. Здесь мы стояли довольно долго. Венгры к нам относились хорошо. Мы ходили в их кинотеатр, бегали на базар покупать фрукты. Как-то вызывает меня к себе командир и говорит: «За отличную службу командование награждает тебя краткосрочным отпуском с выездом на родину». И я помчался через всю Европу, более недели добирался до родного Копейска. 10 дней дома и такими же путями добирался обратно в часть.

Доложил командиру:

— Товарищ капитан, ефрейтор Николаев из краткосрочного отпуска прибыл.

— Прибыл? – вопросительно посмотрел на меня командир.

— Так точно прибыл.

— Ну что ж, собирайся домой. Пришел приказ всех шахтеров демобилизовать досрочно. Ваши копейчане уже все уехали. Так что догоняй их теперь как сумеешь.

После фронта Владимир Федорович вернулся на свою шахту. За ударную работу был удостоен ордена «Знак Почета», медали «За трудовую доблесть» и знаками «Шахтерской славы» 2-й и 3-й степени.

С 1993 года он занимается ветеранской работой. В 2009 году его вновь избрали членом Калининского районного комитета ветеранов войны и военной службы.

«И на мирном фронте,- как он говорит,- дел хватает».

ОРДЕНА Д.А. ЮШКОВА

Дмитрий Александрович Юшков приехал в Челябинск из села, работал на ЧТЗ фрезеровщиком. В 1939 году его призвали в Красную армию. Военную службу он начал на Дальнем Востоке в 35-й стрелковой дивизии, которая в Гражданскую войну участвовала в освобождении Челябинска от колчаковцев. После нападения фашистской Германии на СССР начались всевозможные реорганизации и в войсках Дальневосточного округа. Д.А. Юшков, будучи сержантом, возглавил стрелковый взвод. 16 октября 1941 года ему присвоили звание младшего лейтенанта, перевели в 422-ю стрелковую дивизию на должность командира взвода саперов, заметив, что парень из села с инженерным мышлением, хорошо разбирается в сложной технике, и вскоре вместе с 244-й дивизией перебросили в район Сталинграда.

«Мы приехали в Сталинград, когда город уже бомбили,- вспоминал Д.А. Юшков. – Сталинград горел несколько месяцев. Кругом одни развалины, а город горит и горит. В сентябре 1942 года мне приказали заминировать участок вдоль канавы. А там немцы остановились на ночлег. Поставили танки вокруг, а посередине устроили свой бивак. Оттуда доносились их голоса, кто-то играл на губной гармошке. Мы, разделившись на две группы, стали устанавливать мины метрах в ста от чернеющих в ночи силуэтов вражеских танков. О наших катюшах мы еще ничего не знали. И вдруг я услышал какие-то шуршащие в небесах звуки. И тут же огненные стрелы реактивных снарядов накрыли противника, их бивак окутался сплошным пламенем и дымом. Мы упали на землю и своими лопатками пытались врубиться в землю. Воздух наполнился едким дымом. Придя в себя после удара катюш, поняв, что

немцам пришел капут (конец), мы продолжали минировать территорию в сплошной темноте. Когда же, закончив работу, мы вышли из зоны минирования, из дыма и гари, то нам показалось, что мы шагнули из ночи в ясный день, так как было уже утро. Невдалеке дымились и горели немецкие танки.

На следующий день мы установили 200 мин в два ряда на новом участке, причем первую мину установили почти у самого блиндажа гитлеровцев. Когда показали схему минного поля командирам, они не поверили, создали комиссию, проверили, но все оказалось так, как на нашей схеме. За эту работу мне вручили первый орден Красной Звезды. В самый трудный период обороны Сталинграда защитники города с нетерпением ждали подкрепление, стрелковую дивизию А.И. Родимцева. Мне приказали снять спираль Бруно, установленную немцами вдоль берега Волги. Спираль была насажена небольшими шариковыми минами, неизвестными нам саперам. Я осторожно снял, одну из таких мин, вывернул взрыватель, убедился, что устройство его намного сложнее нашего. Поэтому мы поступили просто, по-крестьянски. Привязали к спирали веревку, отошли в укрытие и потянули веревку. Подвешенные на спирали мины стали одна за другой взрываться, и мы удалили с берега без потерь. В ноябре мне вручили второй орден Красной звезды.

Наступил январь 1943 года. Немцы в котле доживали последние дни. Однажды я со своими саперами находился вблизи штаба. Наши разведчики привели туда рано утром двух гитлеровцев в нижнем белье. После допроса их вывели на мороз. Армейский фотограф фотографировал их, при этом мне показалось, что один из немцев улыбался. Потом поместили пленных в блиндаж. Я подумал, сгинут они в блиндаже от холода. И какая-то жалость к ним, как к забитым собакам, появилась у меня. Я взял и кинул им одно на двоих одеяло.

После Сталинграда и Курской битвы Красная армия, в основном, только наступала. У саперов отпала нужда минировать поля. Мы теперь только разминировали вражеские мины и строили переправы через реки. При форсировании Днепра у села Бородаевка на берегу скопилось большое количество войск, а в распоряжении понтонеров оказалось только три надувных пятнадцати-местных лодок, не считая гребцов. Их командир в растерянности метался по берегу и ничего не мог предпринять. На скопление людей на берегу

неприменно обратят внимание немцы и накроют переправу арт-огнем или авианалетом, подумал я и подошел к понтонеру.

— Товарищ капитан, я комендант переправы капитан Юшков.

— Ах, ты комендант, ну и командуй тогда,- вспыхнул понтонер и ушел.

Я немедленно убрал всех людей с берега, приказал укрыться им в кустарнике в стороне от переправы. И выходить на берег группами по 15 человек по мере подхода лодки с противоположного берега Днепра. Берег обезлюдил, на нем никого не осталось, а три лодки курсировали от берега к берегу, не привлекая к себе внимания, пока не переправили всех солдат и командиров, не потеряв при этом ни одного человека. За эту операцию мне вручили орден Александра Невского».

Вернувшись с фронта инвалидом Дмитрий Александрович своими руками построил себе добротный дом в Челябинске и до выхода на пенсию работал на различных должностях ЧЭМК. 1 ноября 2012 года ему исполнилось 93 года. До 70-летия Великой Победы оставалось 30 месяцев.

ВETERAN ПЕХОТЫ

До войны Владимир Яковлевич Попов работал трактористом в колхозе. В начале апреля 1943 года его призвали на фронт. В качестве командира пулеметного расчета он прошагал через всю Европу. После лечения в госпиталях в Будапеште впервые в жизни купил себе у мадьяра часы за 500 старинных русских рублей с изображением Петра-1. День победы встретил 16 мая 1945 года в Праге. А потом участвовал в войне с милитаристской Японией. Возвратился с фронта с орденом Славы третьей степени, с медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», с нашивками тяжелого и двух легких ранений и еще около 20 лет служил во внутренних войсках. 16 февраля 2009 года он отметил свое 85-летие. В этот день мы попросили его рассказать о наиболее памятных эпизодах Великой Отечественной войны, в которых он принимал участие. Владимир Яковлевич рассказывал о войне более двух часов. Отдельные эпизоды из его рассказов следуют ниже.

Мухин

Выгрузившись из эшелона в Шепетовке, далее до реки Стрыпа мы шли походным маршем. Весенняя распутица сделала свое дело, дороги стали непроходимыми. Лошади еле, еле тянули повозки, танки застревали в грязи. А мы, пехота, как ни в чем ни бывало, шагали с полной боевой выкладкой, да в добавок каждый солдат нес связанные веревочкой и перекинутые через плечо по две 82-миллиметровые мины, весом по четыре с половиной килограммов каждая. А самый крепкий из нас солдат Мухин один нес двадцатикилограммовое противотанковое ружье, которое полагалось переносить вдвоем, да еще сумку с патронами 14-го калибра.

Когда мы переходили речку по сливным мосткам водяной мельницы, прилетели 9 немецких самолетов. Мухин подбежал к стоящей поблизости яблоне, закрепил на ее ветке ПТР, взял на мушку пикирующий на нас самолет и хлопыстнул из своего ружья. Самолет как находился в пике, так и, не выходя из него, врезался в болотистый участок берега и взорвался на своих собственных бомбах. На месте его падения образовалась огромная воронка и больше ничего. Остальные самолеты, побросав бомбы, улетели. Через два дня мы зашли в небольшое село, а в это время с другой стороны входили в село два немецких танка. Мухин вбежал на крыльцо хаты, ногой открыл дверь, установил в оконном проеме ПТР. И после первого же его выстрела немецкий танк, задымил и остановился. Но шедший за ним второй танк выстрелил из пушки, и хаты вместе с Мухиным, как ни бывало. Вот так уходили из жизни советские солдаты, настоящие герои. Они погибали за то, чтобы мы с вами жили.

Маленькие чудеса

Где-то вблизи реки Стрыпа мы получили приказ занять оборону. Начали копать траншеи и ходы сообщения в рост человека по всем правилам со всеми поворотами и изгибами. Установили пулеметы и оборудовали огневые точки, а на бруствере выложили из битого кирпича лозунг: «Да здравствует 1 мая!». Политработники нам рассказывали, что в этих местах проходили сильные бои Первой мировой войны, именно здесь произошел знаменитый Брусиловский прорыв. И словно в подтверждение этому, копая траншеи, мы нашли в земле револьвер системы наган. Его деревянная часть

рукоятки истлела, сам же револьвер находился в пригодном состоянии. Мы его почистили, смазали, а далее произошло маленькое чудо. Мы получили четыре ящика с патронами к пистолету ТТ. Открыли первый ящик, а там патроны к нагану. Это то, чего нам не хватало.

Во время обхода командирами подготовленных нами позиций я доложил полковнику о готовности к бою. Командиру полка наша позиция понравилась. Вечером неожиданно меня вызывают в штаб полка и зачитывают приказ: «Командиру пулеметного расчета курсанту В.Я. Попову присвоить звание младший сержант, а всем пулеметчикам – звания ефрейтора». А потом вручают подарок-посылку от учащихся и педагогов города Куйбышева. Принес я посылку в расчет и говорю: «Вскроем ее только 1 мая». Дождались 1 мая. Вскрыли посылку, достали из нее пряники, конфеты, две рыбины, копченую колбасу и бутылку водки. А в моем расчете все непьющие. Пригласили на трапезу командира взвода. Погода была прекрасная, небо голубое, настроение у всех праздничное. И вдруг все небо почернело от множества немецких самолетов. Мы от неожиданности стояли с колбасой в руках, смотрели вверх и думали, что немцы летят бомбить наши тыловые объекты. У немцев же была такая тактика, при подлете с фронта они выбирали на земле цели, а потом разворачивались и атаковали их с тыла. В нашем случае так и получилось. Мы насчитали 53 бомбардировщиков, не считая мессеров, и думали, что они разнесут нашу оборону в пух и прах. Но вражеские самолет, не сделав ни одного выстрела, ни одного пикирования, не сбросили ни одной бомбы и улетели.

Пулеметчик Семен Гетманских пошутил тогда: «Ну вот, а говорили, что чудес не бывает, это немцы напугались нашего лозунга: «Да здравствует 1 мая!». А я подумал, а может быть в воздухе командиром эскадрильи был немецкий сторонник коммунистической идеи. Если это так, то честь и хвала ему.

Испорченный праздник

Белая церковь типичный украинский городок, застроенный преимущественно белыми глинобитными хатами, крытыми черепицей или соломой. Мы вошли в него в канун, когда оккупанты уже бежали из города. После напряженных боев и длительных переходов командование решило 8 марта устроить здесь нам в честь женского праздника баню с прожаркой обмундирования. А для выпол-

нения банных процедур были выбраны помещения и оборудование бывшего немецкого концлагеря, находившегося на окраине города. Шинели, сапоги и оружие мы оставили на первом этаже здания, а на втором этаже, сдав в дезкамеру нижнее белье и обмундирование, заняли свои места в моечном зале и по – настоящему блаженствовали под струями горячей и холодной воды. Но вдруг сильно запахло гарью, и раздался крик: «Горим!». Мы в чем мама родила, обгоняя друг друга, бросились к выходу.

Оказалось, что кто-то из минометчиков оставил в кармане своего мундира дополнительный пороховой заряд для 82-миллиметрового миномета. Заряд в дезкамере воспламенился и все наше имущество сгорело. Оставшись в одних шинелях и сапогах, мы двое суток ждали, когда привезут нам новое обмундирование. Рассматривали через окно голубые купола белокаменных храмов, на гарных дивчин, работающих на разборке развалин, и очень жалели об испорченном празднике.

ДВА МАКСИМА

Слова В.Дыховичного Муз. С.Каца
(Из коллекции песен наших отцов и дедов)

На границе шумели березки,
где пришлось теперь нам воевать,
там служили, дружили два тезки,
их обоих Максимами звать.
Был один пулеметчик толковый
(познакомьтесь с Максимом моим).
А другой пулемет был станковый
по прозвищу тоже «максим».

Крепко связаны дружбою старой,
принимали грозные бои
неразлучною дружною парой
оба тезки – Максимы мои.
Очень точно наводит наводчик,
а «максим», словно молния бьет.
«Так, так, так» - говорит пулеметчик.
«Так, так, так» - говорит пулемет.

От осколков германской гранаты
не случилось уберечься им:
пулеметчик был ранен, ребята,
поврежден пулемет был «максим».
Дни леченья проносятся мимо
и дружку произведен ремонт,
и опять оба тезки Максимы
возвращаются вместе на фронт.

А на фронте горячий и хлесткий
Ураганный бой гудит опять.
И опять служат-дружат два тезки,
и обоих Максимами звать.
Снова точно наводит наводчик,
с максимальной силою бьет,
«так, так, так!» - говорит пулеметчик.
«Так, так, так!» - говорит пулемет.

Содержание

Это нашей истории строки	3
И снова грянул бой	5
Ю.И. Озерский	6
За труд и жизнь	9
С фронта на фронт	10
Воспитанник ОСОАВИАХИМА	16
Три дня из жизни Куценкова	21
По-прежнему в строю	24
Вещий сон	26
Бронебойщик	29
Маленький разведчик и ленинградка	29
Морская пехота	33
В окружении	37
С улицы кожевенной	42
Саперы	46
Ордена Д.А. Юшкова	49
Ветеран пехоты	51
Два Максима	55
Содержание	56

Попов Лев Алексеевич

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

(Вспоминают ветераны г. Челябинска)

Серия 6. Пулеметчики, минометчики, бронебойщики, саперы